

Статистика различий институционального состава национальной экономики и вопросы его гармонизации

Настоящая статья посвящена оценке масштабов государственного сектора, которая восходит к оценке степени участия государства в отечественной экономике и остается дискуссионным. Такие оценки часто осуществляются без предъявления критериев предельных значений и вне оценок его эффективности и сочетания с иными институциональными секторами. При этом очевидно, что соотношение государственного и иных (негосударственных) секторов относится к вопросу стратегического значения, к вопросу эффективности экономической системы страны в ее целостности, поэтому требует теоретического, методологического и практического разрешения.

Целями исследования являются: (1) определение относительных масштабов и эффективности функционирования государственного сектора в национальной экономике, установление минимально необходимых и предельно возможных значений его масштабов; (2) определение размеров и установление меры гармоничного сочетания институциональных компонентов отечественной экономики, направленные на максимизацию ее эффективности.

Материалы и методы. Теоретические основания исследования выработаны на основе предпочтений авторов относительно результатов концептуальных и прикладных разработок отечественных ученых в области философии, математики, экономики и социологии, а также практики структурного и спектрального анализа в их предметных областях. Анализ параметров (показателей) государственного и иных институциональных секторов отечественной экономики выполнен (преимущественно) на базе статистических данных Росстата за 2006–2016 годы, материалах официальных докладов и разработках аналитических центров. **Методологическую** основу исследования составляют работы по модульной теории социума, экономике государственного сектора, структурной гармонии систем. Применялись табличные способы визуализации результатов исследования, статистические методы обработки исходных данных. Для решения задач исследования использовались стандартные пакеты прикладных программ Microsoft Office.

Результаты. Показано, что на фоне снижения относительной ресурсной мощности, госсектор за рассматриваемый период не показывает роста степени участия государства в российской экономике. При этом показатели эффективности госсектора не демонстрировали не только худших, но и ухудшающихся значений, как в сравнении с негосударственным сектором, так и с экономикой в целом. Определены критерии минимально необходимого и максимально возможного масштабов государственного сектора и показано, что по состоянию на 2016 год интегральный показатель масштабов госсектора российской экономики не достигает минимально необходимой величины. Построена количественная модель оптимизации секторального состава национальной экономики. Предложены системные решения и дан способ определения долей институциональных секторов в структуре отечественной экономики.

Заключение. В статье рассматриваются вопросы участия государства в экономике, определяются масштабы и эффективность государственного сектора в национальной экономике. Установлено, что в рамках предельно либеральных и предельно этатистических идеологических установок задача оптимизации ни величины государственного сектора отечественной экономики, ни гармоничного сочетания ее секторального состава не находят удовлетворительного решения. Выполнен анализ институционального состава национальной экономики и показан способ оптимизации ее строения, определена направленность экономической политики государства по оптимизации институциональной структуры национальной экономики. Ориентация экономической политики на достижение оптимальной структуры (гармонии) экономической системы (как и само движение к ней) создаст условия не только для повышения ее эффективности, но и позволит наиболее полно удовлетворять экономические потребности социально-профессиональных групп, а обществу в целом успешно развиваться.

Ключевые слова: государственный сектор, институциональный состав экономики, спектральный анализ, структурная гармония систем, экономическая политика, экономическая система.

Oleg V. Morozov^{1, 2, 3}, Aleksey G. Biryukov⁴, Mikhail A. Vasiliev^{1, 2}

¹ Higher School of Public Policy, Moscow, Russia

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

³ Federation Council of Federal Assembly of Russian Federation, Moscow, Russia

⁴ State Duma of Federal Assembly of Russian Federation, Moscow, Russia

Statistics on Differences in the Institutional Composition of the National Economy and Issues Related to its Harmonization

This article focuses on the assessment of the size of the public sector, which goes back to the assessment of the degree of state participation in the domestic economy and remains controversial. Such assessments are often carried out without the presentation of threshold criteria

and without evaluation of its effectiveness and combination with other institutional sectors. At the same time, it is obvious that the ratio between the public and other (non-state) sectors refers to the issue of strategic importance, to the issue of the effectiveness of the country's

economic system in its integrity, and therefore requires theoretical, methodological and practical resolution.

The objectives of the research are: (1) to determine the relative scale and efficiency of the public sector functioning in the national economy, to establish minimum necessary and maximum possible values of its scale; (2) to determine the size and establish a measure of harmonious combination of institutional components of the domestic economy aimed at maximizing its efficiency.

Materials and methods. Theoretical foundations of the research have been developed on the basis of the authors' preferences regarding the results of conceptual and applied developments of domestic scientists in the field of philosophy, mathematics, economics and sociology, as well as the practice of structural and spectral analysis in their subject areas. The analysis of parameters (indicators) of the state and other institutional sectors of the national economy was carried out (mainly) on the basis of statistical data of ROSSTAT for 2006–2016, materials of official reports and developments of analytical centers. The methodological basis of the research is formed by works on modular theory of society, public sector economy, and structural harmony of systems. Tabular methods of visualization of research results and statistical methods of source data processing were used. Standard packages of Microsoft Office application programs were used for solving research tasks.

Results. It is shown that against the background of a decrease in relative resource capacity, the public sector over the period under review does not show an increase in the degree of government participation in the Russian economy. At the same time, performance indicators of the public sector did not show not only worse, but also worsening values, both as compared with the private sector and the

economy as a whole. Criteria of minimum required and maximum possible scale of the public sector have been defined and it is shown that as of 2016 the integral indicator of the scale of the public sector of the Russian economy does not reach the minimum required value. A quantitative model for optimizing the sectoral composition of the national economy has been constructed. System solutions are proposed and a method for determining the share of institutional sectors in the structure of the national economy is given.

Conclusion. The article deals with the issues of state participation in the economy, defines the scale and efficiency of the public sector in the national economy. It is noted that within the limits of maximally liberal and maximally ethical ideological statements the task of optimization of neither the size of the public sector of the national economy nor the harmonious combination of its sectoral composition find a satisfactory solution. The analysis of institutional composition of the national economy has been carried out and the way of optimization of its structure has been shown, the direction of the state economic policy on optimization of institutional structure of the national economy has been determined. Orientation of economic policy towards achievement of optimal structure (harmony) of economic system (as well as the very movement towards it) will create conditions not only for increase of its efficiency, but also will allow to satisfy economic needs of socially-professional groups to the fullest extent, and society as a whole will successfully develop.

Keywords: public sector, institutional structure of economy, spectral analysis, structural harmony of systems, economic policy, economic system.

Введение

I

Общие оценки. Экономическое пространство Российской Федерации, институциональный состав которого, помимо бюджетного, внебюджетного и негосударственного секторов, включает в себя пространство юридических лиц с государственным участием. Это масштабный т.н. «квазибюджетный» сектор, в котором сохраняется государственное присутствие и бюджетное финансирование деятельности, ресурсы используются для решения задач в общенациональных интересах, но экономическая деятельность осуществляется в конкурентной среде и подчиняется рыночным правилам. Общественный и научный интерес к «квазибюджетному» сектору – сектору юридических лиц, хозяйствующих субъектов с государственным участием – проявляется в дискуссиях, акцентированных, по-преимуществу, на общие и качественные оценки доли государственного сектора и степени участия государства в национальной экономике. Такие дискуссии особенно обострились в связи с Указом Президента Российской Федерации «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» [1], а также – предшествовавшими данному указу и последующими радикальными оценками ФАС России. В частности, в ее докладе «О состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2018 год» сказано следующее: «Оценки, приведенные ФАС России в 2015 году, свидетельствовали о значительном вкладе государства и компаний с государственным участием в ВВП Российской Федерации.

Перед кризисом 1998 года доля государства в экономике России оценивалась примерно в 25%. В 2008 году – уже в 40–45%. К 2013 году она превысила 50%. В 2017 году, по многим экспертным оценкам, она может превышать уже 60–70%. Следует отметить, что в 2018 году ситуация существенно не изменилась» [2, с. 12]. При этом заявленный службой рост доли государства в экономике признается как угроза конкуренции.

Неожиданную точку зрения представил Международный валютный фонд (МВФ) в сентябрьском 2018 года докладе по России за № 18/275 [3, <http://imf.org/~media/Files/Publications/CR/2018/>]. Как подсчитали эксперты МВФ, государство (СГУ) в 2016 году обеспечило 13,5% ВВП, а государственные предприятия (КГУ) – еще 19,3% ВВП. По оценкам персонала МВФ, доля государства в российской экономике в 2016 году составила 33%, и в последние годы она увеличилась в банковском секторе и нефтегазовой отрасли. На государство приходится почти 40 процентов деятельности и 50 процентов занятости в экономике [3, с. 22–23]. Оценка МВФ сопоставима с данными Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), который в 2005–2010 годах оценивал долю государства в экономике страны в 35%, но значительно отличается от экспертной позиции ФАС (40–45% за тот же период). Примечательно, что федеральный орган исполнительной власти указывает на существенную избыточность вмешательства государства в экономику, а относительно независимые международные организации, напротив, свидетельствуют о существенно более малом масштабе явления.

Ученые РАНХиГС А.Е. Абрамов, И.В. Аксёнов, А.Д. Радыгин и М.И. Чернова с учетом сектора государственного управления (СГУ), компаний с государственным участием (КГУ) и государственных (включая муниципальные) унитарных предприятий в работе [4] представили результаты расчетов, которые свидетельствуют о росте государственного присутствия в экономике с 39,6% ВВП в 2006 году до 46,0% в 2016-м. Они определили, что в течение 2006–2016 годов доля КГУ¹ в ВВП выросла с 20,2% в 2006 году до 25,3% в 2016-м, а доля СГУ – с 16,9 до 19,2% ВВП. А также указали на то, что в сравнении с другими странами относительные размеры капитализации, численности занятых и вклада в ВВП российских компаний с государственным участием являются значительными и имеют тенденцию к росту [4, № 1, с. 28]. Ситуация с масштабами участия государства в экономике была признана как неприемлемая, поскольку «она выше, чем во многих развивающихся странах», имеет место «тенденция к росту государственной доли в ВВП», «ведет к искажению конкурентных отношений на отраслевых рынках и в экономике в целом» [4, № 2, с. 39]... и «сокращению пространства частной инициативы» [4, № 2, с. 43].

Авторы статьи [5] Чернопяттов А.М., Ахметов Л.А. и Джураев Д.М. из Российской академии предпринимательства, выполнив обзор работ о влиянии размеров государственной собственности на результаты деятельности экономики, указали «на отсутствие общепринятых показателей», ... а «широко использовавшиеся ранее (в первую очередь финансовые показатели) не могут полностью устранить искажения, вызванные ценовым фактором в условиях ограниченной конкуренции» [5, с. 139]. И пришли к выводу, что «Результаты более фундаментально целенаправленных исследований, которые пытались оценить «реальные» показатели, противоречат [приведенным выше] выводам. Доля государственного сектора по численности хозяйствующих субъектов (с учетом муниципальных) с 2005 по 2015 годы уменьшилась на 27,9%, но при этом доля частного сектора выросла на 14%. Долю государственных основных фондов по отношению к негосударственным по состоянию на 2015 год они оценили на уровне 18/82 [5, с. 141].

¹ Укрупненная оценка доли КГУ в ВВП авторами на первом этапе была рассчитана по методике Евростата (Eurostat. Essential SNA..., 2014) на примере доли двух крупнейших нефинансовых КГУ – Газпрома и Роснефти - в суммарной выручке и ВВП в 2006–2016 годах. Затем путем деления доли ВВП на долю выручки данных компаний был определен мультипликатор, который в среднем за 11 лет составил 2,2. Умножая данный мультипликатор на общую долю в выручке для всех КГУ, вошедших в выборку, рассчитали долю этих компаний в ВВП.

Анализируя документы стратегического планирования госкомпаний в духе требований Федерального закона 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Симонова Ю.В. и Смирнова О.О. фиксируют в них дефицит «стратегического видения». Указывают, что долгосрочные стратегии развития подменяются среднесрочными и краткосрочными программами развития бизнеса. Отмечают низкую корреляцию между стратегическими документами госкомпаний и федеральными стратегиями, особенно с точки зрения согласованности целей и горизонтов планирования. А требования основного акционера госкомпаний в лице Росимущества приводят к тому, что базовой целью многих компаний в стратегических документах представлена бизнес-модель компании, а не отраслевые приоритеты и не цели, определенные в нормативно-правовых документах, на основании которых создавались компании [6, с. 203, 204].

Выявлению факторов, способствующих повышению эффективности функционирования КГУ, посвящена работа Гордеевой Е.С. На примере двух компаний ОАО «Газпром» и ОАО «Роснефть» она фиксирует, что концентрация производства и капитала до определенного порога приводят к экономии на масштабах деятельности, что, в свою очередь, способствует уменьшению издержек на единицу продукции. Однако по мере увеличения концентрации производства и, как следствие, концентрации капитала сверх указанного порога происходит такой рост транзакционных издержек, который начинает превышать эффект от экономии на масштабах деятельности. Непосредственные измерения эффективности этих компаний по показателям фондовооруженности, фондоотдачи, рентабельности основных фондов и производительности труда показали, что их динамика у компаний была в основном положительной. Однако ярко выраженной экономической зависимости между степенью концентрации капитала и эффективностью производства ни по одному из показателей, в силу достигнутой концентрации капитала, не демонстрировали. А предлагая меры по повышению эффективности КГУ, Гордеева Е.С. обращается собственно не к экономическим эффектам, а к мерам организационно-управленческого, стратегического, инновационного и социального характера [7].

Любопытно сравнение концентрированно выраженных позиций авторов аналитического доклада Центра стратегических разработок (ЦСР) «Эффективное управление государственной собственностью в 2018–2024 гг. и до 2035 г.» (январь 2018 г.) [8. https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/Doklad_effektivnoe_upravlenie_gossobstvennostyu_Web.pdf] и авторов коллективной монографии «Сильное государство – выбор России. Угрозы, ценности, приоритеты» под

научной редакцией д.э.н. И.М. Братищева (декабрь 2019 г.) [9]. Доклад подготовлен группой ученых ИПЭИ РАНХиГС и ИЭП им. Е.Т. Гайдара с участием академика РАН Р.М. Энтова. Монография представлена как результат обсуждения темы на «круглом столе», проведенном в рамках Московского международного социально-экономического форума памяти академика Ж.И. Алфёрова в апреле 2019 года. Несмотря на нацеленность авторов и доклада, и монографии на поиск «оптимальных форм», в которых современное государство реализует жизненно важные для общества функции, они демонстрируют диаметрально противоположные позиции.

Констатации и выводы авторов доклада ЦСР основаны на результатах теоретических дискуссий о преимуществах и недостатках государственного предпринимательства, в общем контексте «провалов государства» и «провалов рынка», на западных сравнительных исследованиях и отечественном опыте периода с 2000-х гг. Утверждается, что подавляющее большинство зарубежных и отечественных эмпирических исследований второй половины XX века дает безусловные аргументы в пользу частных компаний. Уровень совокупных издержек почти во всех рассматриваемых случаях оказывался ниже на частных предприятиях. Они значительно чаще выпускали более качественные изделия и инновационную продукцию. Государственные компании во многих ситуациях пользуются возможностями поддерживать свою рентабельность прежде всего за счет повышения цен на свою продукцию. При этом подчеркивается, что подлинную основу более высокой эффективности ... образовали не только и не столько преимущества организации и управления частных компаний сами по себе, сколько реализовавшие их потенциал механизмы рыночной конкуренции. В отношении России говорится, что, начиная с 2000-х годов, ... экспансия госсектора в различных формах стала однозначным трендом. До 2008 года была характерна тенденция к количественной экспансии, во втором десятилетии 2000-х годов процесс усиления роли государства в экономике перешел в иное – качественное – состояние. Происходило повышение роли государственных структур в распределении финансовых ресурсов, в ряде отраслей имели место активизация сформированных вертикально-интегрированных структур (ВИС), государственных корпораций и институтов развития, передача в их капиталы имущества непубличных государственных компаний, процессы т.н. «псевдоприватизации», расширение сфер (зон контроля) государственного регулирования [8, с. 6].

Авторы монографии указывают на потери, связанные с разрушением государственного участия в экономике с начала девяностых го-

дов прошлого столетия, акцентируют внимание читателей на рукотворный характер вызванного трансформационным кризисом технологического отставания России от других стран. Дается негативная оценка передаче государственных ресурсов в негосударственное владение. Указывается, что пропагандируемого волшебства от результатов частных форм хозяйствования не произошло, вместо технологического прогресса имеет место деградация всех видов ресурсов. При этом оговаривается, что опыт Китая 1977–2017 гг., который, как и Россия, переходил от плановой экономики к рыночной, демонстрирует прямо противоположные результаты, что частно-рыночное хозяйствование может быть вполне эффективным. Утверждается, что успех китайских реформ во многом был обеспечен сохранением своей государственности и роли государства в управлении экономикой. А Россия провалилась главным образом из-за ухода государства из экономики [9. Хубиев, с. 16–41].

Выводы доклада и монографии в равной степени радикальны и однозначны, но по направленности прямо противоположны. Авторы доклада утверждают, что «экономический рост находится в *обратной* зависимости от доли государственного участия в экономике». По убеждению авторов монографии – «экономический рост находится в *прямой* зависимости от доли государственного участия в экономике». Однако стороны решительно едины в политической оценке современного состояния экономики страны: в России сложился неэффективный государственно-монополистический (доклад) / государственно-олигархический (монография) капитализм. Различия в нюансах: авторы доклада говорят о концентрации значительной части прав собственности и экономической власти в руках государства, об избыточности государственного имущества с точки зрения исполнения государственных функций; авторы монографии – о тотальности приватизации государственного имущества, концентрации значительной части прав собственности и экономической власти в руках узкой группы людей.

Обе группы авторов одинаково фиксируют снижение темпов экономического роста и отставание от более успешных стран, но различаются в оценке их причин. В качестве таковых авторы доклада приводят: нарушение принципа равенства компаний во взаимоотношениях с государством; замещение конкурентных механизмов административным ресурсом и лоббистскими возможностями; неформальное огосударствление частного сектора экономики и появление «частных государственных компаний» ... в связи с экспансией госсектора де-юре и де-факто. Авторы монографии находят причины в произвольном обращении с накопленными под управлением государства ресурсами. Утвержда-

ют, что российская наука и образование ввели в научный оборот зарубежную литературу преимущественно либерально-монетаристской направленности. В тени оказались кейнсианское направление и институционализм технологического направления (Дж. Гэлбрейт).

Противоположными предстают стратегические установки на обозримую перспективу. Активизация конкуренции и стимулирование частной инициативы, в том числе за счет разгосударствления и сокращения «экономического веса» государственного сектора, для авторов доклада являются аксиоматическими условиями экономического развития. Необходимо сокращение не только прямого, но и косвенного присутствия государства на конкурентных рынках. Сохранение государственной собственности и функций государства безусловно лишь в стратегическом ядре экономики (расширение которого должно быть нормативно затруднено) и в области экономической политики. Наиболее ярко выглядит провозглашаемый принцип политики: принцип «презюмции полезности» приватизации («объясняй или продавай») применительно ко всем объектам государственной собственности и его распространение на уровни субъектов Российской Федерации и муниципалитетов.

Авторы монографии настаивают на реализации модели социально-экономического развития, опирающейся на государственный плано-рыночный механизм, усилении роли государства на всех стратегических направлениях, укреплении социально-ориентированного государственного сектора, укреплении государственной собственности во всех отраслях, приносящих монопольный доход и монопольную ренту, а также в отраслях, в которых доходы не имеют предпринимательской основы. Провозглашается лозунг: «хорошего государства» должно быть как можно больше, «плохого государства» — как можно меньше» [9. Хубиев, с. 40].

Описываемая дискуссия, на взгляд авторов настоящей статьи, имеет два недостатка: общественно-политический (актуальный) и принципиально-методологический (перспективный). В первом случае она осуществляется в рамках либо предельно либеральных, либо предельно этатических идеологических установок с известной и априорно (до «аналитической рефлексии») заявленной направленностью и оценок, и предложений. Но обе позиции представлены практически вне оценок и предложений, касающихся повышения результативности и эффективности участия КГУ в реализации государственной экономической политики. Во втором случае имеет место разногласие в части экономических показателей, характеризующих степень участия государства в экономике, а также отсутствие единого понимания критериев оптимальности как масштабов госсектора,

так и институциональной структуры экономики в целом. При этом очевидно, что соотношение государственного и негосударственного секторов в экономике есть вопрос, относящийся к вопросам стратегического значения, к вопросам эффективности экономической системы страны в ее целостности, поэтому требует теоретического, методологического и практического разрешения.

II

О методологии анализа. Казалось бы, в случае «присутствия» государства в экономике требования планирования, учета и контроля параметров «государственного участия» в ней являются очевидными, а оценка степени такого участия — доступным, прозрачным и ... известным. Однако на практике такая оценка осуществляется в условиях дефицита официальной статистики, отсутствия единых (и непосредственных) показателей масштабов участия государства в экономике, имеет место множественность и невнятность критериев отнесения отдельных хозяйствующих субъектов к тому или иному институциональному сектору. Основная проблема здесь восходит к оценке реального вклада государственных хозяйствующих субъектов (госсектора) в национальное богатство, а также к оценке эффективности государственного сектора в сравнении с иными институциональными секторами отечественной экономики.

Констатация отсутствия четкого понимания масштабов экономической деятельности, которую ведет государство, связи между государственными затратами и получаемыми от них социально-экономическими результатами, а также эвристика многих актуальных вопросов в данной сфере, отчетливо и аргументировано еще в 1997 году представлена отечественным ученым, профессором Балацким Е.В. В его работе, посвященном проблеме оценки масштабов и эффективности государственного участия в экономике, изложен методический инструментарий, позволяющий посредством относительно простых индикаторов оперативно отслеживать и оценивать изменяющуюся ситуацию [10]. В основании его подхода к анализу участия государства в национальной экономике располагается ряд постулатов и представлена система экономических индикаторов:

1) *всеобщая (интегральная) оценка* эффективности государственного участия в экономической жизни страны принципиально невозможна, поскольку предполагает оценку не только вполне счетных экономических эффектов, но и оценку последствий от мероприятий стратегического, инновационного и социального характера, мер по обеспечению безопасности в сфере внутренних и внешних угроз и т.д. В отношении всей их совокупности едва ли можно получить

рационально построенную систему индикаторов, удовлетворяющих условиям релевантности (оправданности), достоверности, когерентности (согласованности), сопоставимости и сравнимости в динамике [10, с. 37–39];

2) [корректные] *оценки масштаба и эффективности* функционирования могут быть получены ... лишь для государственного сектора экономики, но не для государственной и муниципальной собственности. Это связано с тем, что при калькуляции показателей по государственному сектору не возникает проблем, связанных с их сопоставимостью. А при калькуляции государственной собственности необходимо иметь ее сопоставимые стоимостные оценки по каждому народнохозяйственному объекту, что на практике практически нереализуемо по ряду причин, в частности — по причине отсутствия адекватного стоимостного выражения многих категорий объектов государственной и муниципальной собственности [10, с. 27];

3) при отнесении предприятия к государственному сектору все экономические показатели, характеризующие его деятельность, не подлежат делению и в статистике должны фигурировать по позиции государственного сектора. Достаточным обоснованием данного принципа служит тот факт, что любое предприятие функционирует как цельная экономическая единица, управляемая либо государством, либо частным (коллективным или индивидуальным) собственником (добавим — либо в интересах государства (и общества), либо в частных интересах) [10, с. 26].

4) *критерием* отнесения конкретного хозяйствующего субъекта (по Балацкому — «хозяйственного объекта») к государственному сектору он справедливо предлагает принять (как принцип) *факт административного управления государством деятельностью данного субъекта* [10, с. 23]. В соответствии с данным критерием государство имеет возможность предопределять решения, принимаемые руководством данного хозяйствующего субъекта. При смешанной (акционерной) форме собственности критерием отнесения конкретного предприятия к государственному сектору является факт преобладания доли собственности предприятия (50% + 1 акция), находящейся в распоряжении государства. Обобщающим критерием принадлежности акционерных обществ к государственному (публичному) сектору может быть признано наличие контроля над ними органов государственной власти и/или органов местного самоуправления;

5) оценочные показатели экономики госсектора Балацкий Е.В. разделил на первичные, вторичные и интегральные [10, с. 32–37]. Поскольку очевидно, что государственный сектор является лишь одним из секторов отечествен-

ной экономики, *первичными (частными) показателями масштабов* государственного сектора в национальной экономике признаны сравнительные (относительные) индикаторы, характеризующие:

степень поглощения рабочей силы (труд);
долю находящихся в распоряжении государства основные фонды (капитал);
относительные результаты деятельности организаций и предприятий госсектора;
относительную численность хозяйствующих субъектов госсектора;
относительную инвестиционную активность государства.

Вторичными показателями масштабов госсектора им признаны различающиеся по экономическому смыслу сочетания первичных экономических показателей. Для получения *интегральной оценки* масштабов государственного сектора в национальной экономике Е.В. Балацкий предложил усреднение частных индикаторов по методу среднеарифметического, которое отражает идею о том, что все первичные (относительные) показатели масштабов госсектора являются равноправными. В целях *оценки эффективности* государственного сектора к использованию предлагаются традиционные показатели производительности труда и фондоотдачи, которые сравниваются либо с аналогичными показателями негосударственного сектора, либо с показателями всей национальной экономики.

Укажем, что Е.В. Балацкий предложил также не вполне традиционный метод количественной оценки минимально необходимого и максимально возможного масштабов государственного сектора в составе отечественной экономики. Он изложен в его работе [11]. В данном исследовании мы также воспользовались этим методом, но для его применения требуется предварительное изложение теоретических оснований, которые излагаются в следующем разделе настоящего введения в связи с проблемой оптимизации строения национальной экономики.

Поскольку факт административного управления со стороны государства деятельностью хозяйствующего субъекта имеет на практике различные оттенки, постольку мы подвергаем сравнению нормативно установленные и имеющие место в практике управления *признаки* принадлежности субъекта хозяйственной деятельности либо к «государственному, либо к иным («негосударственным») секторам экономики. С учетом установленных признаков и после того как статистикой вычленены все хозяйствующие субъекты государственного сектора, становятся известными его элементный состав и границы, открывается возможность его анализа как относительно обособленного и целостного образования, как единицы и предмета исследования.

Однако с пониманием того, что наряду с ним в отечественной экономике существуют иные, также относительно обособленные, «негосударственные» сектора. В совокупности они представляют собой спектральный (компонентный) состав национальной экономической системы.

Следует учитывать, что национальная экономика как обособленное и целостное образование представляет собой иерархически-спектральную целостность и поэтому в процессе исследования строения национальной экономики (соотношения ее структурных уровней и функциональных частей, их количества, границ, размерности) необходимо учитывать двойственный, иерархически-спектральный характер ее целостности. В данной работе, однако, мы ограничиваемся исследованием горизонтально ориентированных компонентов национальной экономической системы, ее секторальных (институциональных секторов) и отраслевых «линий спектра» и не касаемся вертикально ориентированных (структурных) «этажей», распределенных, в частности, на федеральный, региональный, муниципальный уровни. Гипотеза состоит в том, что одним из условий устойчивости и максимизации эффективности экономической системы является достижение и воспроизводство размеров (масштабов, мощности) ее горизонтально ориентированных частей (институциональных секторов и отраслей) в некоторых границах, не являющихся произвольными. В целях ее проверки мы обращаемся к *спектральному анализу*, широко применяющемуся в естественных науках. В частности, общенаучное значение приобрели распределения компонентов у некоторых целостностей – распределения Мандельброта – Лотки – Лоренца – Парето – Ципфа, а также арифметические и геометрические прогрессии, которые в равной степени, но с различающимся (иерархически-спектральным) эвристическим смыслом, применяющиеся как в структурном, так и спектральном анализе.

О ситуации с применением спектрального анализа в области общественных наук еще 20 лет назад писал профессор С-Петербургского госуниверситета И.П. Яковлев. Он обратил внимание на некоторые общенаучные идеи и подходы, способные сыграть роль «точек роста» в социологии [12]. В части спектрального анализа он говорил тогда о не востребованности его эвристических возможностей и «нераспаханности» поля исследований линий спектра предметных областей социологии [12, с. 19]. Вместе с тем, прорывом социологической науки на новый уровень теории, прикладных и эмпирических исследований, он справедливо называет *модульную теорию социума* (МТС), разрабатываемую (с 1989-е года) группой исследователей в Институте социологии РАН под руководством А.А. Давыдова [12, с. 17].

МТС Давыдова А.А. [13] основана на концепции, согласно которой социум (в определенных пространственных и временных границах) понимается как целостность, состоящая из некоторого числа «социальных модулей», которые в свою очередь включают в себя взаимообуславливающие, взаимодополняющие и взаимообеспечивающие друг друга функциональные части. Мощность частей определяется количеством входящих в них первичных элементов, по размерности части располагаются в определенном порядке. В каждом социальном модуле существует определенная структурно-функциональная зависимость между содержательной спецификой частей, числом элементов в них и пропорцией между частями. Некоторый социологический феномен (напр., результаты социологического опроса) рассматривается как горизонтально ориентированный спектр смежных однородных частей и исследуется как убывающая последовательность (по анализируемому показателю) методами частного распределения [14]. Иначе говоря, речь идет о *социальной спектроскопии*, о распространении спектрального анализа на социальные объекты, социальные феномены.

Задача, тем самым, сводится к выявлению закономерностей убывающих последовательностей, размерности и сочетания их членов, что позволяет выйти на построение количественных моделей социальных явлений и процессов. В рамках такого подхода открывается возможность решения оптимизационных задач в экономике. В частности, задачи определения критериев минимально необходимого и максимально возможного масштабов государственного сектора и задачи построения количественной модели по оптимизации секторального и отраслевого составов национальной экономики. Обе задачи особенно актуальны с учетом того, что различные страны с эффективной экономикой демонстрируют существенно различающиеся доли институциональных секторов – доминирование либо государственного (напр., Швеция), либо частного (напр., США) сектора в национальных экономиках. Однако в дискуссиях на эту тему часто господствуют «экспертные мнения», а не статистические факты и их «рефлексивная аналитика», что и вызывает более чем различные, часто – прямо противоположные трактовки, причем с неожиданных сторон, и требует осмысления как теоретических оснований, так и методологических подходов к оптимизации строения национальной экономики.

III

Проблема оптимизации. Задачи оптимизации имеют место в любой сфере экономической деятельности. С точки зрения достижения намечаемой цели экономическое планирование,

управление, проектирование сложных объектов всегда направлено на поиск наилучшего варианта. Применение количественных способов описания распределений спектральных компонентов у целостностей различной природы подсказывает возможность их распространения на объекты и системы социальной природы и позволяет говорить о социальной спектроскопии. В экономической регионалистике применяется, например, распределение Лоренца («кривая Лоренца») как модель распределения доходов страны между различными группами населения. Для количественной характеристики такого распределения используется индекс концентрации доходов – коэффициент Джини. В работе В.Ю. Маслихиной, посвященной исследованию экономического неравенства между субнациональными территориями федеративного государства, представлены результаты исследования, построенного на расчетах известного в экономике универсального измерителя межрегионального неравенства – индекса Тейла [15]. В ней она решила вполне оптимизационную задачу: не только установила наличие нижнего и верхнего предельных значений допустимого межрегионального неравенства, но и доказала, что экономический рост гарантирован лишь внутри интервала предельных значений межрегионального неравенства.

Однако в подобных работах не решена задача установления количественных критериев оптимизации сложных экономических объектов, рассматриваемых как последовательности спектральных компонентов в их строении. На наш взгляд, в данном отношении более «продвинутой» работы в области социологии. В небольшой обзорной работе Л.А. Паутовой [16] в качестве успешного опыта решения оптимизационных задач в социологии отмечается опыт Института социально-политических исследований под руководством академика РАН Г.В. Осипова по разработке методики построения системы предельно-критических показателей в мировой практике и уже упомянутый нами опыт исследователей под руководством А.А. Давыдова из Института социологии РАН по определению диапазона устойчивости социальных модулей [16, с. 125]. В разработках Осипова Г.В. выявляются некоторые социальные константы на материалах мировой практики и вычисляемые значения таких показателей для России сравниваются с аналогичными показателями других стран. В рамках МТС Давыдова А.А., по оценке Паутовой Л.А., определяются промежуточные виды стабильности развивающегося социума, его модульной структуры и составляющих ее частей [16, с. 126].

В целях решения задач в рамках предмета нашего исследования (определение критерия количественной оценки оптимальных масшта-

бов государственного сектора в отечественной экономике и оптимизация институционального и отраслевого состава национальной экономики) обратимся к указанию И.П. Яковлева на общую направленность исследований, посвященных решению оптимизационных задач в социологии. Она состоит в поиске гармонии, которая «... может быть достигнута на основе оптимизации спектра, т.е. нахождения и регулирования такого соотношения весов ... частей, которое позволяло бы наиболее близко к принятым социальным нормам удовлетворить потребности социально-профессиональных групп, а обществу в целом успешно развиваться» [12, с. 18]. При этом справедливо утверждает, что «Поиск границ меры и поддержание процессов в этих границах – одна из важнейших задач науки и управления, которая пока не поддается в нашей стране удовлетворительному решению» [12, с. 16].

Исследования по поиску гармонии в строении системных образований восходят к идеям А.А. Любищева, для которого, по свидетельству Ю.А. Шрейдера, принципиальным являлся вопрос об упорядоченности систем: есть ли она следствии предзаданной гармонии, внутренне присущей самоорганизующейся системе, или возникает эволюционно, за счет случайного отбора стабильных состояний. Подобно И.Кеплеру с его гармонией небесных сфер, А.А. Любищев считал гармонию, воплощенную в системе, реальным системообразующим фактором. Он высказывает замечательную догадку, что «... проблема свойств гармонии связана прежде всего с тем, что существующая в природе целесообразность имеет не только историческое, но и системное объяснение.» [цит. по: 17, с. 115–117]. Эвристический смысл системности как основания гармонии систем по А.А. Любищеву состоит в признании того, что природная целесообразность и, тем самым, устойчивость систем может оцениваться не только по их внешним проявлениям (напр., длительность существования в некотором качественном состоянии или максимизация функциональных проявлений), но и по характеру их внутреннего (иерархически-спектрального) устройства.

Мы полагаем, что необходимые предпосылки к решению задач оптимизации строения объектов социальной природы изложены в работах Давыдова А.А. и его коллег из Института социологии РАН, посвященных убывающим числовым последовательностям и их модульному анализу на основе МТС. В соответствии с МТС функциональные части социальных модулей признаются компонентами убывающей последовательности. На основе данных статистики определяется мощность (количественная величина) компонентов и их суммарная величина, представляющая собой мощность модуля в це-

лом. Для количественного анализа убывающей последовательности авторами МТС в [18, с. 131] установлены два очевидных требования: в отношении величин членов (частей) убывающей последовательности (x_i) должно выполняться неравенство $x_n > x_{n+1}$, а их сумма должна составлять постоянную величину:

$$S = \sum_{i=1}^n x_i = const. \quad (1)$$

Далее определяются: средняя пропорция (pr) между величинами частей (компонентов) исследуемого социального модуля:

$$pr = \frac{1}{n-1} \sum_{i=1}^{n-1} \frac{x_i}{x_{i+1}}, \quad (2)$$

где n — число частей (членов убывающей последовательности); x_i — величины членов убывающей последовательности; отношение величины общего размера (общего количества первичных элементов S) к размеру наибольшей части ($\max x_i$) убывающей последовательности:

$$M = S / \max x_i \quad (3)$$

Расчеты показали, что и средняя пропорция, и отношение величины мощности модуля к лидирующему компоненту убывающей последовательности не являются случайными величинами, они зависят от количества компонентов последовательности и ... демонстрируют тяготение (с определенным разбросом значений) к некоторой постоянной величине. Если известно количество членов последовательности, средняя пропорция между ними и тип последовательности, а сумма членов последовательности составляет 100%, то легко восстанавливается вся убывающая числовая последовательность. А это именно та задача, которую необходимо решить в процессе оптимизации спектрального состава и определения масштабов институциональных секторов и отраслей отечественной экономики.

Несмотря на признание в социологии прорывного характера МТС Давыдова, обоснованное применение убывающих числовых последовательностей и общенаучных приемов частотного распределения для исследования социальных феноменов, необходимо признать, что их результаты носят эмпирический характер. Вместе с тем, отечественная наука обладает теоретической концепцией, в рамках которой полученные исследователями из Института социологии РАН фундаментальные характеристики социальных модулей, получают теоретическое обоснование. Речь идет о концепции «структурной гармонии систем» белорусского математика и философа Э.М. Сороко, которую он изложил в книге [19]. Эта концепция и вытекающий из нее «закон структурной гармонии систем» могут быть признаны крупными отече-

ственными достижениями 20-го века, поскольку речь идет о «жгучей» и «вечной» проблеме единства целого и способов организации его частей.

В данной работе Сороко Э.М. фундаментально разрешены проблемы структурной гармонии в ее генезисе, раскрыт принцип установления гармоничности целого в структурах природы. Задача гармонизации структур поставлена на количественные основания и указан метод ее решения. Предложен новый подход к выявлению устойчивых состояний самоорганизующихся систем, возникающих в диалектическом единстве ... части и целого, структуры и функции, единства и разнообразия... Показано, что структурное развитие систем есть ... «последовательная смена строго определенных квантованных инвариантов, фиксирующих ряд гармоничных состояний, а в более широком смысле — количественно выраженный закон диалектических скачков» [19, с. 8–9]. На основе осмысления метрической сути гармонии, диалектического принципа раздвоения единого (*понимаемого как «различия внутри единства»¹, взаимоисключающие, но и взаимодополняющие, связанные противоположности, логически непересекающиеся классы или состояния субстрата некоторого целого*) [19, с. 150]), законов сохранения и придания т.н. принципу «кратных отношений»² общенаучного статуса в качестве меры гармонии систем предъявлены ... коды «скрытой гармонии» [19, с. 4]), служащие инвариантами и аттракторами самоорганизации и эволюции систем.

Математические основы структурной гармонии систем представлены Э.М. Сороко в заключительной главе книги, в которой осуществлен «перевод» указанных принципов на количественный язык. В результате получено множество парных положительных значений «кодов гармонии», за которыми устоялось название «обобщенных золотых сечений» (ОЗС). Первые 24 пары из них для значений ранга кратности $s = 0, 1, 2, 3, \dots, 23$, а также их соотношения,

¹ Здесь Э.М. Сороко уточняет понимание «различий внутри единства»: о единстве можно говорить только тогда, когда речь идет о «различиях в единой сущности». В случае «различий разных сущностей» единство не может быть достигнуто, поскольку их носители по своим свойствам несовместимы [19, с. 9]. Отсюда вытекает эвристическое условие: различия внутри единства должны быть сторонами одной и той же сущности, членами отношения, лежащего в основании единства, измеряться одной и той же мерой [19, с. 150]. При этом, замечает Э.М. Сороко, единое аккумулирует свою сущность в одной из своих [доминирующих] противоположностей, где эта сущность обладает статусом действительности.

² В частности, этот принцип известен в химии как «закон целых чисел Дальтона», в кристаллографии — как «закон рациональных параметров Гаюи», в «Капитале» К.Маркса — как «принцип кратных чисел».

«Обобщенные золотые сечения» Э.М. Сороко для значений ранга кратности $s = 0, 1, 2, 3, \dots, 23$

s	J^*	H^*	J/H	s	J	H	J/H	s	J	H	J/H
0	0,5000	0,5000	1,0000	8	0,8243	0,1757	4,6915	16	0,8819	0,1181	7,4674
1	0,6180	0,3820	1,6180	9	0,8351	0,1649	5,0643	17	0,8862	0,1138	7,7873
2	0,6823	0,3177	2,1476	10	0,8444	0,1556	5,4267	18	0,8902	0,1098	8,1075
3	0,7245	0,2755	2,6298	11	0,8525	0,1475	5,7797	19	0,8939	0,1061	8,4251
4	0,7549	0,2451	3,0800	12	0,8598	0,1402	6,1327	20	0,8973	0,1027	8,7371
5	0,7781	0,2219	3,5065	13	0,8662	0,1338	6,4738	21	0,9005	0,0995	9,0503
6	0,7965	0,2035	3,9140	14	0,8720	0,1280	6,8125	22	0,9034	0,0966	9,3520
7	0,8117	0,1883	4,3107	15	0,8772	0,1228	7,1433	23	0,9061	0,0939	9,6496

Источник: [18, с. 198].

* Значения H и J можно задавать в процентах, они перестановочны.

сведены в таблицу 1 [19, с. 198]. Величины J и H представлены с точностью до четвертого знака после запятой.

Величинам H и J в столбцах таблицы придается смысл удельных весов «различий сущности внутри единства», противоположных атрибутивных начал системы, сумма парных величин которых всегда равна единице. Э.М. Сороко формулирует «закон структурной гармонии систем» в следующей форме: «Обобщенные золотые сечения суть инварианты, на основе и посредством которых в процессе самоорганизации естественные системы обретают гармоничное строение, стационарный режим существования, структурно-функциональную... устойчивость» [19, с. 217]. В соответствии с ним всякий системный ансамбль (части целого, элементы множества, вероятность или частота событий) может быть охарактеризован парными показателями H и J , которые фиксируют оптимальные значения его структурного строения, гарантирующего гармоничность структурного строения системы на определенном этапе ее развития. «Естественно считать», пишет Э.М. Сороко, что условием нормального функционирования системы, ее ... саморазвития, ... эволюции, совершающейся в соответствии с объективными законами, будет следующее: «запас» разнообразия системы и «запас» ее структурного однообразия кратны, представляют собой пропорциональные величины» [19, с. 196].

Это означает, что все иные пары значений H и J , наблюдаемые на практике, будут означать дисгармоничность строения («различий сущности внутри единства») исследуемого ансамбля. Тем самым, «закон структурной гармонии систем» устанавливает, что в процессе самоорганизации, на определенном этапе своего развития системные образования обретают такое соотношение значений показателей H и J в своем структурном строении, лишь при достижении которых они обретают гармоничное строение, стационарный режим существования, структурную устойчивость, максимизиру-

ют функциональные проявления и потенциал развития. Парные показатели ОЗС в таблице 1 представляют собой базовые соотношения гармонизации ансамблей, смесей (миксов), составов, частей целого, к одной из которых в процессе функционирования тяготеет структурное строение самоорганизующейся системы.

«Закон структурной гармонии систем» задает также *направленность развития* самоорганизующихся систем. В таблице 1 эта направленность отражается как движение структурной пары в строении системы от больших значений ранга кратности « x » к меньшим его значениям. Завершением развития системы является достижение сочетания «запаса» структурного разнообразия и «запаса» структурного однообразия соответствующего рангу кратности « x »=1, а дальнейшей ее задачей — его воспроизводство.

Что касается систем, соответствующих рангу кратности « x » = 0, когда величины $H = 0,5$ и $J = 0,5$ в их строении уравновешены, их следует относить скорее к статичным (и косным) системам (напр., система «земля-камень»), они демонстрируют уравновешенную устойчивость, в них отсутствует внутренняя(!) движущая (доминирующая) сила и отсутствует внутренний потенциал движения, процесса.

Направленность процесса развития системы, тем самым, может рассматриваться как ее последовательный переход из одного «гармоничного» состояния (напр., соответствующего рангу кратности « x » = 5) в другое «гармоничное» состояние (напр., соответствующего рангу кратности « x » = 4) через промежуточные «дисгармоничные» состояния вплоть до обретения характерной для нее предельной гармонии (напр., соответствующей рангу кратности « x » = 1, или « x » = 2, или « x » = 3). «Системы, эволюционируя, саморазвиваясь, пишет Э.М. Сороко, совершают переход от одного структурного уровня сложности к другому, с разной интенсивностью реализуя в них свой потенциал» [19, с. 217]. Это означает, что ранг кратности « x » таблицы 1 характеризует достигнутый системой

уровень структурного развития и соответствующий этому уровню – потенциал развития.

Проведенный Э.М. Сороко анализ разнообразных долгоживущих объектов природы показывает, что наиболее устойчивые природные образования (ядра химических элементов, сухой воздух, фитомасса на Земле (живая и отмершая), лейкоцитарная формула ребенка, биоритмы мозга взрослого человека, распределение людей по группам крови, но также сплавы в металлургии, соотношение эфирных масел и растворителей в парфюмерии, сочетание конкрементов в фармацевтике, рецептура в пищевой промышленности, весовые части виноградных вин и т.д.) по соотношению удельных весов своих частей соответствуют рангам кратности либо «х» = 1, либо «х» = 2 таблицы 1, отношения значений *H* и *J* которых близки или совпадают либо с величиной *H* / *J* = 1,618, либо *H* / *J* = 2,148. Эти образования в процессе предшествующей эволюции (и технологических воздействий) приобрели не только гармоничное строение, стационарный режим существования, структурную устойчивость, максимально возможную функциональность, но и достигли ... предела в своем развитии. Они уже приобрели присущую их природе гармонию в своем строении и в процессе дальнейшего существования (жизни) воспроизводят ее. Здесь мы разделяем гипотезу отечественного исследователя С.И. Сухоноса, который в работе [20] утверждает, что объекты косной природы, а также Биосферы к моменту появления на Земле человека, уже завершили свою эволюцию. Закончилась эволюция вирусов, бактерий, одноклеточных, рыб, растений и животных, эстафета (фокус творения) эволюции передана природой человеку и уверенно расположилась на уровне социального.

Исследования в отношении социальных феноменов, проведенные А.А. Давыдовым в соответствии алгоритмами МТС на основе анализа национальных статистических ежегодников по различным странам мира, статистических ежегодников ООН по демографии, экономике, труду, культуре за различные периоды времени, результатов опросов общественного мнения ВЦИОМ, ФОМ, фирмой Гэллага, показали, что в убывающих числовых последовательностях средняя пропорция (*pr*) между величинами частей (компонентов) исследуемого социального модуля проявляется в интервале 1,237–2,236 и «тяготеет» к значениям 1,237, 1,618, 2,236 [14, с. 114]. Чураков А.Н. уточнил, что для различных социальных показателей в 80 процентах случаев диапазон значений располагается в интервале 1,5–2,5 [21, с. 180]. Иначе говоря, эмпирически полученные величины различных социальных модулей весьма близки к значениям отношений *H* и *J* таблицы 1 при малых рангах кратности «х» = 1, 2 и 3. Можно видеть, что эмпирические

данные авторов МТС, так же как и разработки Э.М. Сороко, приводят к тому, что при прочих равных условиях пропорциональные системы устойчивее, чем непропорциональные, ... что «пропорция 1,618 наиболее оптимальна для реализации функции развития новых системных свойств, например, целостности» [22, с. 114].

При практическом использовании «закона структурной гармонии систем» (парных значений *H* и *J* и их соотношения в зависимости от ранга кратности «х» табл. 1) для оценки состояния и последующей оптимизации компонентного состава исследуемых (реальных) систем-ансамблей возникает двоякая задача. Во-первых, для отражения исследуемой целостности в категориях (и показателях) двойственности ее структурного строения необходимо обладать способом «сворачивания» многокомпонентных образований (их множественных различий) к двойственному выражению. Во-вторых, для получения оптимальных размеров долей компонентов исследуемого модуля необходимо обладать способом «развертывания» изначальной целостности как убывающей последовательности.

Первая задача может быть решена посредством алгоритмов (2) и (3) МТС. Их достоинство в простоте расчетов. Если соотношение средней пропорции между компонентами убывающей последовательности с одной из величин отношения (*J* / *H*) таблицы 1 указывает на значения удельных весов «различий внутри единой сущности» исследуемой системы, то, тем самым, и на ранг кратности «х», свидетельствующий о достигнутом системой уровне развития. Однако, показатель «средняя пропорция» как всякое усреднение существенно огрубляет характеристику строения системы. Кроме того, нет доказательств того, что средние пропорции между членами убывающей последовательности действительно совпадают по смыслу с «обобщенными золотыми сечениями» таблицы 1. Наконец, указанные алгоритмы не позволяют непосредственно измерять удельные веса «различий внутри единой сущности» *J* и *H* исследуемых систем, гармоничные значения величин которых заданы «законом структурной гармонии систем» Э.М. Сороко.

Алгоритм расчетов по «сворачиванию» многокомпонентных образований к двойственному выражению их строения (в рамках синергетической теории информации) представлен В.Б. Вяткиным как следствие «закона структурной организации систем» [23]. Когда некоторая система *A* с числом первичных элементов *m*(*A*) делится по какому-либо признаку на *N* частей *B*₁, *B*₂, ..., *B*_{*N*} с числом элементов в каждой части соответственно равным *m*(*B*₁), *m*(*B*₂), ..., *m*(*B*_{*N*}), а сумма элементов всех частей *m*(*B*_{*i*}) охватывает все элементы *m*(*A*) системы *A*, количественные выражения для расчета значений величин ее

«структурного порядка» (*I*) и «структурного разнообразия» (*S*) имеют вид:

$$I = \sum_{i=1}^N \frac{m(B_i)}{m(A)} \log_2 m(B_i) \quad (4)$$

$$S = \log_2 m(A) - I \quad (5)$$

С учетом того, что сумма «структурного порядка» (*I*) и «структурного разнообразия» (*S*) характеризует целостность системы [*I* + *S* = $\log_2 m(A)$], их удельные веса (*J* и *H*), сумма которых составляет единицу, рассчитываются следующим образом:

$$[I / \log_2 m(A) = J] + [S / \log_2 m(A) = H] = 1 \quad (6)$$

Отношение *J* / *H* = *R* (*R*-функция) (7), по Вяткину, представляет собой интегральную характеристику структурного строения исследуемой многокомпонентной системы, их произведение *J* * *H* = *D*_{факт} (*D*-функция) (8) характеризует структурный потенциал развития в ее фактическом состоянии, а не зависящая от деления системы на части предельная, максимально возможная величина которого (*D*_{макс}) при заданной мощности *m*(*A*) определяется по формуле:

$$D_{\max} = [\log_2 m(A)]^2 / 4. \quad (9)$$

Алгоритм расчетов, вытекающий из «закона структурной организации систем» по Вяткину В.Б. по непосредственному измерению удельных весов их атрибутивных различий, предстает, на наш взгляд, более тонким инструментом по решению первой задачи и предъясняется нами как способ отражения разнообразия многокомпонентной структуры национальной экономики в категориях двойственности ее спектрального состава, в общем случае в категориях «структурный порядок» / «структурное разнообразие», а в частном случае – в категориях «государственный / сектор / негосударственный сектор».

Вторая задача, задача «развертывания» исследуемого модуля для получения оптимальных размеров его компонентов как убывающей последовательности в общем случае решается известными методами исследования частотных распределений. Различные варианты их применения проанализированы авторами МТС в статье [14]. Ими установлено, что «наиболее часто наблюдаются строго убывающие числовые последовательности, описываемые экспоненциальной и степенной функциями зависимости размеров компонентов от их порядковых номеров ... При степенной зависимости часто наблюдается ... закон Ципфа. ... При экспо-

ненциальной зависимости ... геометрические прогрессии» [14, с. 114]. В рамках настоящего исследования авторы воспользовались дополнительным аргументом, а именно гипотезой, представленной отечественным исследователем, кандидатом технических наук С.И. Сухоносом в работе [24], о непосредственной связи гармонии природных и социальных структур с пропорцией и геометрической прогрессией. Он утверждает, что «... в основе гармонии лежит пропорция, как минимальный ее элемент и геометрическая прогрессия как ее максимальное проявление...» [24, с. 99]. В соответствии с этой гипотезой распределение институциональных компонентов отечественной экономики мы рассматриваем как возрастающую геометрическую прогрессию, знаменателем (*q*) которой является один из инвариантов «обобщенных золотых сечений» Э.М. Сороко (табл. 1).

Наконец, руководствуясь «законом структурной гармонии систем» по Э.М. Сороко, стало возможным решение двух дополнительных, целевых задач настоящего исследования. Во-первых, речь идет об определении критерия количественной оценки минимально необходимого и максимально возможного масштабов государственного сектора в структуре отечественной экономики, рассматриваемого в паре «государственный сектор / негосударственный сектор». Во-вторых, об установлении «эволюционного уровня развития» отечественной экономики.

В этой связи обратим внимание на пару 0,6180÷0,3820, соответствующей рангу кратности «х» = 1 таблицы 1. Эта пара примечательна тем, что она отражает соотношение, известное еще с доантичных времен как «золотая пропорция», в соответствии с которой «целое так соотносится с большей своей частью, как большая часть целого соотносится с его меньшей частью». Эта пара и выступает критерием определения диапазона (интервала значений) минимально необходимого и максимально возможного масштабов государственного сектора в национальной экономике. Возможности применения «золотой пропорции» для «измерения» предельных масштабов госсектора в 2013 году изложил Е.В. Балацкий [11]. На ее основе он выстроил логику конкурирующего взаимодействия частного (негосударственного) и государственного секторов экономики. Отобразив схематически на прямой линии две «золотые» точки, соответствующие значениям 38% и 62%, он выделил «золотую полосу» – диапазон возможных размеров госсектора от точки 38 до точки 62 (рис. 1).

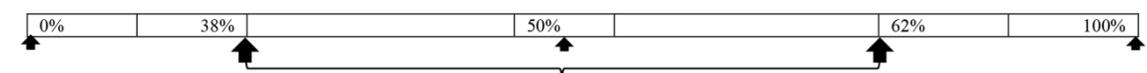

Рис. 1. Секторальная дихотомия экономики и диапазон возможных размеров госсектора
Источник: [11, с. 117]

Рисунок схематично показывает предельные значения масштабов госсектора в национальной экономике, который не может составлять величину меньше 38% [при этом величина частного (негосударственного) сектора составит 62%], но и не больше 62% [при этом величина частного (негосударственного) сектора составит 38%]. В соответствии с данной логикой Е.В. Балацкий вводит показатель отклонения (E) реальных значений двухкомпонентного состава экономики от своих «золотых» величин, который принимает следующий вид:

$$\begin{cases} E = x - x_{\min}, & \text{при } x \leq 50; \\ E = x_{\max} - x, & \text{при } x > 50. \end{cases} \quad (10)$$

В такой форме индикатор (E), по Балацкому Е.В., фиксирует степень *цивилизационной напряженности* (мы будем называть его показателем «*макроэкономической напряженности*») выбранной модели национальной экономики. «Если $E > 0$ [положительная величина], утверждает он, то можно констатировать текущие (тактические) проблемы в формировании двухсекторной модели национальной экономики; если $E < 0$ [отрицательная величина], то имеют место глобальные (стратегические) просчеты» [11, с. 118–119]. Таким образом, мы приобретаем специальный макроэкономический индикатор (E), который оценивает то, насколько далеко в ту или иную сторону отклонилась развивающаяся экономическая система страны в своем структурном строении от «золотой» пропорции. «Отклонение фактического размера госсектора от двух «золотых» точек внутри «золотой полосы», — говорит Е.В. Балацкий, — приводит к нарастанию экономических проблем, но эти проблемы ... не являются фатальными ... Отклонение ... фактического размера госсектора от двух «золотых точек» вовне, т.е. за пределы «золотой полосы», приводит к такому нарастанию социально-экономических проблем, что они могут перерасти в саморазрушение хозяйственной системы». Причем «в случае [доведения размеров] госсектора меньше 38% [в сравнении с размером частного сектора] гибель [...] наступает из-за слабости ... государства ... В случае же слишком большого госсектора [больше 62%] гибель страны возникает из-за слабости частного товаропроизводителя, разрушения экономических стимулов к производительному труду и происходит ... в форме угасания хозяйственной активности и внутреннего «самораспада» [11, с. 115].

Одновременно следует учитывать, что измерения степени «макроэкономической напряженности» в структуре национальной экономики Е.В. Балацкий предлагает осуществлять исключительно в соответствии с «золотой пропорцией», которая имеет место при ранге кратности $s = 1$ таблицы ОЗС по Э.М. Сороко.

А это предельное соотношение парных значений, относительных величин конкурирующих сторон в структурном строении развивающихся систем, которое исследуемой экономической системой может быть и не достигнуто. В этой связи, решением второй дополнительной задачи выступает определение того, к какому рангу кратности (s), т.е. к какой из пар ОЗС тяготеет актуальная структура отечественной экономики при рассмотрении ее как конкурирующей пары — «государственный сектор/негосударственный сектор». Решение этой задачи и позволяет (в соответствии со шкалой ОЗС) установить «эволюционный уровень развития» отечественной экономики.

Такова программа и методология исследования, результаты которого излагаются в настоящей статье. Совокупность приведенных теоретических оснований и методологических положений представляются необходимыми и достаточными для решения задачи по предмету нашего исследования. В соответствии с ними в первой части настоящей статьи осмысливаются основные и обобщающие (интегральные) экономические показатели масштаба государственного сектора в национальной экономике, определяются показатели эффективности его функционирования. Во второй ее части анализируются секторальное и отраслевое компонентное разнообразие отечественной экономики, выполняются соответствующие расчеты по ее оптимизации, определяется степень «макроэкономической напряженности» и фиксируется «эволюционный уровень развития», имеющие целью определение актуальной направленности структурной экономической политики российского государства.

1. Характеристика государственного участия в экономике

1.1. Качественная характеристика государственного сектора

Нормативное отражение спектрального состава отечественной экономики. С 1 января 2019 года в отечественной статистике и метрологии вступило в силу приложение «В» к Общероссийскому классификатору организационно-правовых форм (ОКОПФ) организаций и предприятий, разработанное Федеральной службой государственной статистики для целей совершенствования государственной статистики и утвержденное Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии [25]. Это приложение представляет собой нормативное описание *классификатора институциональных секторов экономики* (КИСЭ), понятия и определения которого предполагаются к использованию исключительно в целях статистики. Обращение к нему в данном исследовании

связано с авторской попыткой показать компонентный состав отечественной экономики с точки зрения принадлежности относимых к ним субъектов экономической деятельности к соответствующему институциональному сектору экономики. И на такой основе определить положение государственного сектора в структуре экономики России. В этих целях, в соответствии с КИСЭ (с неизбежными, но некритическими сокращениями) и с учетом степени убывания прозрачности финансовой деятельности хозяйствующих субъектов авторами воспроизведен расширенный состав институциональных секторов экономики страны (приложение 1).

КИСЭ в представленной форме мы представляем не только как статистический инструмент, он призван показать, что может пониматься под спектральным составом экономического пространства страны и его обособленными, хотя и взаимосвязанными секторами. Предполагается, что в зависимости от степени и условий государственного участия/воздействия (основной признак), от степени прозрачности финансовой деятельности (косвенный признак) соответствующие субъекты экономической деятельности могут распределяться по отдельным секторам, начиная от полностью непрозрачной деятельности теневого сектора и заканчивая федеральным бюджетным сектором с максимально возможной прозрачностью его параметров. Расположение институциональных секторов в представленной их последовательности отражает также возрастающую степень экономической свободы относимых (относящихся) к ним субъектов хозяйственной деятельности: от бюджетного сектора, который собственно олицетворяет само государство в его финансовом отражении, максимально зависим от него, до «деятельности» теневого (ненаблюдаемого или слабо наблюдаемого) сектора, «зависящего» от государства в минимально возможной степени.

Наконец, состав институциональных секторов экономики в форме приложения 1 представит горизонтально ориентированной матрицей, посредством которой в первом приближении проявляется степень (глубина) возможного вовлечения принадлежащих и относимых к ним экономических агентов в процессы реализации государственной экономической политики. Бюджетный сектор вовлечен в максимально возможной степени, теневой сектор располагается за ее пределами. Предполагается, что «квазибюджетный» сектор вовлечен в большей, а частный сектор в меньшей степени.

Подчеркнем, что представляемая матрица отражает не только наличие границ между институциональными секторами, но их подвижность, которая на практике реализуется как результат изменений численности предприятий и организаций в их составе, а также их размерности и

вклада в национальное богатство. Подвижность границ означает, что институциональная структура экономики есть единый живой организм, он внутренне динамичен, так как представляет собой совокупность активных экономических субъектов. Это также означает, что любое изменение границ одного сектора немедленно сказывается на границах (масштабах) других секторов. При этом предполагается рукотворный характер изменения таких границ, масштабы каждого из секторов могут быть не только подвергнуты количественному счету, но и целенаправленному управлению, целевой функцией которого с очевидностью является воспроизводство устойчивости экономической системы и максимизация ее эффективности.

Об отнесении хозяйствующих субъектов к государственному сектору экономики. В соответствии с п. 1.9 КИСЭ в состав государственного сектора экономики включаются:

институциональные единицы сектора государственного (муниципального) управления [публично-правовые образования (органы власти) и государственные (муниципальные) казенные, бюджетные, автономные учреждения];

унитарные юридические лица, являющиеся единицами сектора государственного управления;

унитарные юридические лица, полномочия собственника которых осуществляют юридические лица, включаемые в сектор государственного (муниципального) управления;

корпоративные юридические лица, являющиеся институциональными единицами сектора государственного (муниципального) управления;

корпоративные юридические лица, владельцем более 50 процентов акций (долей) которых являются публично-правовые образования или государственные (муниципальные) бюджетные, автономные учреждения.

Если государственные (муниципальные) органы власти и унитарные юридические лица с очевидностью относятся к государственному сектору, то из числа корпоративных юридических лиц (из нефинансового и финансового секторов) к государственному сектору экономики относятся те и только те из них, которые отвечают двум критериям (п. 1.17.1. КИСЭ):

наличие государственного (муниципального) имущества в размере не менее установленной величины в общем объеме имущества (более 50 % уставного капитала корпорации составляет имущество Российской Федерации и/или имущество субъектов Российской Федерации, и/или имущество муниципальных образований);

наличие контроля органов государственной власти и органов местного самоуправления над корпорацией (контроль определен как возможность осуществлять общую корпоратив-

ную политику. Под способами осуществления контроля понимаются: владение большинством голосующих прав; контроль над советом директоров или другим управляющим органом; контроль над назначением и отзывом ключевых руководителей; владение «золотой акцией»).

Несмотря некоторую определенность, которую вносят статистические критерии к отнесению хозяйствующих субъектов к соответствующему институциональному сектору, оценки реальной принадлежности субъекта хозяйственной деятельности к относительно свободному или находящемуся в зависимости от решений органов власти сектору во многих случаях остаются на усмотрении органов статистики. Особенно в части оценки возможностей органов власти осуществлять общую корпоративную политику или в части оценки объемов имущества как принадлежащих публично-правовым образованиям.

Авторы настоящего исследования исходят из представления, что утвержденные критерии особенно чувствительны как с точки зрения достоверности статистических данных, так и с позиции оценки изменений в «квазибюджетном» секторе. Поскольку эти изменения, индуцируя волну своего влияния на все экономическое пространство, корректируют конкурентные условия деятельности хозяйствующих субъектов частного сектора. В рамках такого подхода в целях оценки принадлежности субъекта хозяйственной деятельности к «государственному» или «частному» секторам экономики может быть предложен дополнительный, достаточно простой ряд их качественных признаков (приложение 2). Гипотеза состоит в том, что в рамках предложенного подхода к пониманию различий между частным и государственным секторами экономики основным критерием остается

возможность выбора, относительной свободы управления соответствующими активами.

Представляется не требующим доказательств тот факт, что поведение хозяйствующих субъектов, основным собственником (управляющим) которых является Российская Федерация, подчиняется, в своих главных чертах, тем же правилам, целям, задачам и ограничениям, как и вся сфера «общественных финансов» (бюджетный и внебюджетный сектора). Однако, в первом случае (напр., в отношении госкомпании) собственник, практически вне внимания общественности, законодательных и представительных, контролирующих органов, принимает все решения самостоятельно. А в другом случае (в отношении «общественных финансов»), все наиболее значимые решения оформляются в виде федеральных законов о федеральном бюджете, бюджетах внебюджетных фондов на очередной финансовый год и на плановый период и, тем самым, в существенной степени лишают их исполнителей (государственные ведомства и органы управления внебюджетными фондами) самостоятельности, делают подотчетными и подконтрольными. Все просто и эта «простота» в подавляющем большинстве случаев не только определяет границы, но и показывает существенные различия между «бюджетным», «почти бюджетным» («квазибюджетным») и частным секторами (табл. 2).

Несмотря на весьма условную версию нахождения отличий между той или иной формой, видом, порядком и иными факторами, определяющими возможность отнесения (полностью или частично) ресурсов либо к категории общественных, либо частных, становится очевидным, что природу «квазибюджетности» отражает ее «промежуточность», двойственность, возможность отнесения как к первой, так и ко второй категории.

Таблица 2

Основные различия между «бюджетным», «квазибюджетным» и частным секторами отечественной экономики

Показатель	Бюджетный сектор	Квазибюджетный сектор	Частный сектор
Поступление и расходование ресурсов определяется федеральным законом с ограниченным сроком действия	полностью	Частично	Нет
Финансовые источники обеспечения деятельности определяются масштабами и условиями поступления налогов и сборов, неналоговых поступлений от субъектов экономической деятельности	полностью	Частично	Нет
Объемы использования финансовых ресурсов (доходов федерального бюджета и заемных ресурсов) определяются федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период	полностью	Частично	Нет
Возможности контроля обеспечиваются за счет системы их функционального, целевого, ведомственного, программного и прочих назначений	полностью	Частично	Нет
Субсидиарная ответственность, сроки действия соответствующих прав и обязательств, ограничены пределом планового периода	полностью	частично	Нет
Наличие дополнительных ограничений	полностью	частично	Нет

Источник: позиция авторов исследования

Например, Государственная компания «Российские автомобильные дороги» — как элемент «квазибюджетного» сектора экономики, основную часть доходов, хотя и не всю, получает из федерального бюджета. Часть средств образуется за счет доходов от эксплуатации платных участков автомобильных дорог, размещения временно свободных средств, предоставления в пользование, аренду соответствующих имущественных комплексов. Расходы данной компании подлежат, во-первых, общему регулированию в соответствии с федеральным законом, во-вторых, последовательному одобрению, согласованию, санкционированию и контролю в рамках широкого ряда регламентирующих документов: федерального закона о федеральном бюджете на финансовый год и плановый период; государственной программы «Развитие транспортной системы Российской Федерации» (теперь еще и двух национальных проектов); программы деятельности, утверждаемой Правительством Российской Федерации; финансовым планом, направлениями деятельности, подходами к оплате труда и премированию сотрудников, утверждаемыми или санкционируемыми наблюдательным советом компании. Следует помнить также о формальном и, порой, реальном исполнении функций «кассира» Министерством транспорта Российской Федерации, а также обязательном контроле и проверке расходования средств со стороны Счетной палаты Российской Федерации и аудиторской организации, специальной ревизионной комиссии, службы внутреннего аудита и т.д.

С другой стороны, ГК «Российские автомобильные дороги» исключительно свободна в административно-кадровом отношении (за исключением председателя и членов правления), конкретных решениях по штатному расписанию и премированию сотрудников, управлении свободными ресурсами, в процессах организации, планирования и исполнения договоров, соглашений и контрактов, в привлечении заемных ресурсов, в вопросах создания дочерних и зависимых организаций и филиалов. Свободна в масштабах, совершенно невозможных в бюджетном секторе.

Подобная двойственность определяется тем, что «квазибюджетный сектор» не находится в полной зависимости от норм федерального законодательства с точки зрения балансирования доходов и расходов, но определяется особенностями, правилами и условиями организации деятельности и управления собственностью. При этом максимальный уровень прозрачности и легитимности регулирования общественных финансов достигается только (и единственно) в рамках «замкнутых» циклов, в «бухгалтерском» режиме, то есть в рамках закона о бюджете и бюджетного процесса. Двойственная природа

«квазибюджетного сектора» позволяет на практике исключать и прозрачность движения финансовых потоков, и «замкнутость» финансового цикла, характерных для бюджетного сектора.

Таким образом, существует целый ряд юридических лиц, которые несмотря на то, что формально не подлежат идентификации в качестве элемента «бюджетного сектора», тем не менее, обладают не только всеми признаками прямого воздействия на свою деятельность со стороны федеральных органов государственной власти, но и регулируются специальными федеральными законами, со своими специфическими правами и ограничениями, отличающимися от «прочих» субъектов хозяйственной деятельности. В их числе:

Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства (Федеральный закон от 21 июля 2007 года № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства»);

Государственная корпорация по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» (Федеральный закон от 23 ноября 2007 года № 270-ФЗ «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»);

Государственная компания «Российские автомобильные дороги» (Федеральный закон от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»);

Акционерное общество «ДОМ.РФ» (Федеральный закон от 24.07.2008 № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства»);

Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» (Федеральный закон от 17.05.2007 № 82-ФЗ «О государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ»);

Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» (Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»);

Открытое акционерное общество «Роснано» (Федеральный закон от 19.07.2007 г. № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий»);

Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос» (Федеральный закон от 13.07.2015 № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»);

Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» (Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»).

Данный список далеко не полон. Он частичен и не актуален, например, в связи с тем, что

ряд государственных корпораций был впоследствии преобразован в акционерные общества, не утратив при этом ни первоначально установленных полномочий, ни основного собственника-распорядителя.

В отдельную категорию составляют те организации, деятельность, цели и задачи которых регулируются не федеральными законами, а решениями в форме (на основе) соответствующих указов президента Российской Федерации – АО «Объединенная судостроительная корпорация», АО «Объединенная авиастроительная корпорация», АО «Росгеология»,

Кроме того, существуют субъекты хозяйственной деятельности, которые образованы вследствие права владения их активами государством. В эту часть попадают компании, значительной (основной или полной) долей которых владеет Российская Федерация, среди которых – Газпром, Роснефть, Алроса, ВТБ, Сбербанк России, Аэрофлот, РЖД, Ростелеком и прочие. В отличие от ранее указанных субъектов хозяйственной деятельности, их особые права и обязанности определяются не столько нормативными правовыми актами, сколько самими условиями функционирования. Главной особенностью таких компаний, часто весьма своеобразных и трудно сопоставимых, является мотивация их собственников или управленцев, не связанная напрямую с максимизацией прибыли, как это свойственно частному сектору экономики, и наличие монопольных прав на отдельные виды деятельности или приоритетный доступ к ресурсам (инфраструктуре), обеспечивающим возможности их осуществления.

Государственные банки как характерные субъекты «квазибюджетного сектора». С учетом того, что банковская сфера, призванная осуществлять финансово-экономические операции хозяйствующих субъектов, является критически необходимой и для государства, и для любых юридически значимых действий хозяйствующих субъектов, в рамках предложенного подхода необходимо оценить масштабы ее «квазибюджетности» в стране. О ее масштабах и степени влияния государственных банков на условия работы хозяйствующих организаций можно судить на основе данных табл. 3.

По данным указанного сайта более 85 процентов располагаемых финансовых ресурсов банковских учреждений (из «топ-15») находятся в прямом подчинении органов государственной власти. Это без учета ВЭБ.РФ, не относящегося к банкам (частично и по формальным признакам), Фонда консолидации банковского сектора и Агентства по страхованию вкладов, поддерживающих возможности санации и оздоровления банков, условия и порядок расчетов по взаимным обязательствам с государственными банками. При этом Сбербанк России (уч-

режден Центральным банком, деятельность не регламентирована федеральным законодательством и определяется, в основном, решениями его наблюдательного совета) в соответствии с его годовым отчетом за 2018 год занимал подавляющую позицию на российском финансовом рынке [26]. Доля ПАО «Сбербанк России» на 1 января 2019 года по размеру активов составляла 30,4%, по кредитам корпоративным клиентам – 32,7%, по кредитам частным клиентам – 41,4%, средствам корпоративных клиентов – 23,1%, средствам частных клиентов – 45,1% (от суммарного по стране соответствующего показателя).

Учитывая масштабы государственного присутствия в банковской системе, роль частных кредитных организаций сводится (в основном) или к поиску новых идей и технологий, не освоенных основными участниками денежно-кредитных отношений, или обеспечению теневого, «серого» сектора экономики, объективно уступая «квазибюджетному» сектору не только по финансовым возможностям, надежности и рискам, но и наличию необходимой инфраструктуры. Тем самым, можно определенно утверждать, что «кровеносная система» российской экономики практически полностью является государственной, хотя формально и не является элементом бюджетного сектора.

Таким образом, основное отличие между частными организациями и структурами, прямо или косвенно подчиненными государству, и это особенно хорошо видно на примере банков, относится не столько к экономическим или правовым вопросам, сколько к мотивации в деятельности. Так, в соответствии со статьей 1 Федерального закона «О банках и банковской

Таблица 3

Показатели государственных банков (прямо или косвенно управляемых государством или принадлежащих ему) по величине активов в 2018 году

Наименование кредитной организации	Активы, млрд рублей	Место в рейтинге по величине активов
Сбербанк России	31 197,5	1
ВТБ	14 760,6	2
Газпромбанк	6 532,1	3
Национальный Клиринговый Центр	4 023,9	4
Россельхозбанк	3 114,8	5
Банк «ФК Открытие»	2 198,6	9
Промсвязьбанк	1 280,8	10
<i>всего по первым 15 банкам (в рейтинге по величине активов)</i>	<i>74 105,3</i>	
<i>из них – активы государственных банков</i>	<i>63 108,3</i>	

Источник: банковская отчетность, данные сайта <https://www.banki.ru/banks/ratings/msfo/>

деятельности» кредитная организация (банк) – это «юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности ... имеет право осуществлять банковские операции» [28]. Именно прибыль является основным и определяющим мотивом частной организации, включая и частную кредитную организацию. Однако присутствие государства (в любой форме) в них приводит к искажениям не только данной характерной для коммерческой организации цели, но и в отношении инструментов ее достижения. Искажения реализуются, например, такими преимуществами как большим уровнем защищенности (что позволяет принимать иную позицию в оценке рисков при принятии тех или иных решений), наличием резерва получения дополнительных ресурсов и гарантий за счет средств бюджета или государственных компаний и корпораций, прямым или косвенным использованием института субсидиарной ответственности, комплементарностью в процессе защиты своей позиции во взаимоотношениях с государственными структурами (в частности, за счет того, что их представители входят в состав высших органов управления государственных банков). Но, одновременно, банк с государственным участием подчиняется и не вполне коммерческим целям деятельности, которые в большей мере отвечают конкретным государственным задачам, часто не обеспечивающим условия роста прибыли (как это имело место, напр., при строительстве олимпийских объектов в Сочи).

Эти обстоятельства напоминают воспроизводимую ситуацию и в работе ОАО РЖД, в отношении которого трудно разграничить целевую мотивацию между тем, чтобы в гарантированном порядке осуществлять грузовые и пассажирские перевозки, развитие инфраструктуры железнодорожного транспорта, принимать участие в поддержке отечественных предприятий, производящих подвижной состав, реализации государственных программ и проектов, сохранять особые тарифы и цены для отдельных потребителей, и тем, чтобы получить в процессе деятельности наибольшую разницу между выручкой и себестоимостью.

Признаки организаций «квазибюджетного сектора». Учитывая разнообразие форм государственного присутствия в экономике, унифицированных методов оценки такого присутствия в данной сфере может и не быть. Тем не менее, исходя из вышеизложенного, можно дать некоторый перечень сравнительных признаков хозяйствующих организаций «квазибюджетного сектора» и охарактеризовать их последствия.

1. *Источники ресурсов.* Для организаций «квазибюджетного сектора» основным источником их ресурсов являются не частные средства, а государство (не только государственный бюд-

жет, но и финансовые ресурсы иных корпораций «квазибюджетного сектора»).

Если для бюджетного сектора прозрачным, процедурно определенным и регламентированным являются и условия поступления налогов, и распределение доходов по направлениям, и определенность задач при осуществлении расходов, и параметры парламентского и иных форм контроля, то «квазибюджетный сектор» по большинству этих параметров остается в «серой зоне». Целеполагание, задачи и проекты, конкретные действия, управление ресурсами, общая эффективность работы «квазибюджетного сектора» остается практически вне поля зрения как общественности, так и вне контроля палат Федерального Собрания. При этом и в денежно-кредитной, и в производственной сферах, и в сфере услуг масштабы этого «квазибюджетного» общественного ресурса таковы, что по степени влияния на решения, принимаемые в рамках, например, федерального бюджетного процесса, они превосходят иных бюджетных бенефициаров.

2. *Мотивация деятельности.* Для всех представителей «частного сектора» экономики характерен определенный, единственно эффективный и потенциально бесконечный во времени вектор поведения: максимизация прибыли (накопление и рост активов) в условиях конкуренции и предельно возможной ответственности за результаты деятельности. Модель поведения организаций (властных институтов и бюджетных учреждений) бюджетного сектора противоположна: она состоит в перераспределении ресурсов от одних (плательщиков налогов и страховых взносов) другим элементам частного сектора (бюджетным бенефициарам) на основе сбалансированности доходов и расходов, срочности и цикличности. При этом процедура выбора конкретных физических или юридических лиц в качестве «доноров» или «реципиентов» является максимально обезличенной, реализуется за счет определения общих признаков, категорий, видов деятельности, иных параметров (включая, напр., масштабы деятельности или размеры имущественных прав).

Организации «квазибюджетного сектора» ориентируются на нечто среднее между срочностью и бессрочностью. С одной стороны – они зависят от ограниченных во времени перераспределяемых бюджетных ресурсов, а с другой, осуществляя деятельность в конкурентной среде, от внешних действий участников рынка, сроками не ограниченных. Двойственность их положения позволяет одновременно применять и преимущества, и испытывать недостатки обоих крайних секторов. В значительной мере использовать ресурсы в «обезличенной» форме (напр., путем получения соответствующих средств из бюджета или применения префе-

рещиональных условий деятельности), но, в то же время, обеспечивая принципиально иной уровень концентрации соответствующих выгод в руках ограниченного состава физических или юридических лиц, легитимно невозможный в бюджетном секторе. Утрируя, можно сказать: «оплачивают» возможности «квазибюджетного сектора» практически все налогоплательщики, а право на получение (присвоение) соответствующих результатов имеют совсем немногие.

3. *Прозрачность деятельности.* Деятельность бюджетного сектора обладает наивысшей степенью условной прозрачности, публичности и потенциалом подконтрольности. Деятельность организаций в частном финансовом секторе в рамках законодательства пользуется максимально возможной автономностью и минимально возможной подконтрольностью.

«Квазибюджетный сектор» и в данном случае занимает особое положение. Элементы и механизмы контроля здесь носят особый, опосредованный, вторичный характер. Эта вторичность обуславливается в отношении подавляющей части государственных компаний тем, что функция контроля здесь осуществляется не властными органами универсальной (напр., Правительством Российской Федерации) или специальной (министерством) юрисдикции, а их представителями, делегатами, специально отобранными лицами.

Казалось бы, что разница между представителем и делегировавшим его органом теоретически не очень велика. Однако на практике подобные расхождения могут оказаться критически важными. Осуществляющий акт контроля властный орган обладает непосредственными возможностями не только контроля, но и реагирования, принятия соответствующих решений, в том числе в форме нормативных правовых актов. Институт «представительства» действует и выражает позицию в рамках директив делегировавшего его органа, но – с учетом характера принятия решений коллегиальными органами компаний (на основе большинства или консенсуса) – без каких-либо гарантий поддержки позиции госпредставителя. Тем самым, и сами возможности, и условия контроля определяются опосредованно, с понижением коэффициента полезного действия в процессе прохождения сигнала от представителя до субъекта принятия ответственного решения. Характерно, что и последствия (результаты) проведения соответствующих контрольных действий концентрируются в документах, по прозрачности не достигающих уровня «общественных финансов» в форме бюджетных решений, часто признающимся документами ограниченного доступа и распространения.

Учитывая изложенное и оценивая ресурсы, необходимые для достижения стратегических це-

лей развития страны, представляется странным отказ от формализации (приводящей и к подконтрольности, и прозрачности деятельности) использования возможностей «квазибюджетного сектора» в реализации национальных проектов и государственных программ. В практике деятельности правительства Российской Федерации существенного прогресса не отмечается ни в части его «вывода из тени», ни в отношении легитимизации передачи располагающихся в этом секторе активов в частные руки. Напротив, «ползучая» концентрация, централизация прав, полномочий и различных технологий управления в организациях «квазибюджетного» сектора является тенденцией последних лет. Тем не менее, качественные оценки сложившихся масштабов государственного участия в экономике не позволяют игнорировать данное явление ни в качестве объекта общественного и парламентского контроля, ни как фактора, влияющего на множество аспектов и условий социально-экономического развития, включая вопросы занятости и рынка труда, ликвидации бедности.

1.2. Количественное измерение госсектора в отечественной экономике

В данном разделе анализу подвергаются масштабы и эффективность государственного сектора в сравнении с негосударственным сектором и экономикой в целом. Для оценки масштабов государственного сектора воспользуемся следующими *первичными* показателями (коэффициентами, индикаторами), предложенными Е.В. Балацким в работе [10], которые в частных показателях и своей совокупности демонстрируют относительные показатели масштабов госсектора в национальной экономике:

K_1 – удельный вес занятых в госсекторе экономики (Zg) в общей численности занятых в народном хозяйстве страны (Z) – характеризует степень поглощения им рабочей силы: $K_1 = Zg / Z$;

K_2 – удельный вес основных фондов госсектора (OFg) в общем объеме основных фондов в стране (OF): $K_2 = OFg / OF$ – отражает долю национального богатства, непосредственно находящуюся в распоряжении государства;

K_3 – удельный вес продукции и услуг госсектора (Yg) либо в объеме выпуска товаров и услуг, либо в добавленной стоимости, либо валовом внутреннем продукте (ВВП) страны (Y) – показывает результаты деятельности организаций и предприятий государственного сектора: $K_3 = Yg / Y$;

K_4 – удельный вес инвестиций госсектора (CHg) в общей численности в стране (CH) – отражает относительную массу хозяйствующих субъектов госсектора: $K_4 = CHg / CH$;

K_5 – удельный вес инвестиций в госсектор (Ig) в общем объеме народнохозяйственных ин-

вестиций (I) – оценивает инвестиционную активность государства: $K_5 = Ig / I$.

С учетом того, что количественные значения первичных индикаторов отражают различающиеся аспекты хозяйственной деятельности входящих в состав госсектора организаций и предприятий и по величине существенно различны, а также для получения интегральной оценки масштабов государственного сектора в национальной экономике возникает потребность в их взвешивании и «свертывании». Для этой цели, со ссылкой на международную практику аналитических исследований, Е.В. Балацкий предлагает усреднение частных индикаторов по методу среднеарифметического, которое отражает идею о том, что все частные (первичные) показатели масштаба госсектора являются равноправными [10, с. 32–37].

Оценка относительной ресурсной мощности госсектора. В зависимости от целей исследования могут применяться сочетания различных первичных индикаторов. Совместное рассмотрение показателей K_1 и K_2 путем их усреднения $[(K_1 + K_2) / 2 = Kr]$ отражает долю труда и капитала, которая находится в распоряжении госсектора, чем достигается учет затратного аспекта его деятельности и ресурсной мощи (Kr). На основе данных Росстата [28] нами проведены расчеты коэффициента (K_r) за период с 2002 по

2018 годы, результаты которых представлены в табл. 4.

Данные таблицы 4 отчетливо указывают на следующие тенденции изменений показателей занятости и величины стоимости основных фондов в госсекторе:

на фоне роста абсолютной величины численности занятых в народном хозяйстве страны в период с 2002 по 2018 годы (на 9,1%), занятость в госсекторе снизилась на 29,1%;

рост стоимости основных фондов в народном хозяйстве страны в 8 раз сопровождался за этот период ростом стоимости основных фондов в госсекторе в 6,8 раза;

удельный вес занятых в госсекторе в численности занятых во всем народном хозяйстве последовательно снижался и уменьшился с 36,92 в 2002 году до 23,97% в 2018 году;

удельный вес стоимости основных фондов госсектора в стоимости основных фондов по экономике в целом с 2002 года по 2009 год снижался с 27 до 20, к концу рассматриваемого периода достиг 23,02%, а за период с 2002 по 2018 год – снизился на 15%.

В совокупности изменения удельных весов в структуре занятости и структуре стоимости основных фондов привели к тому, что относительная ресурсная мощность госсектора (Kr), т.е. его относительные размеры за рассматриваемый

Таблица 4

Динамика относительных масштабов госсектора России по показателям занятости и стоимости основных фондов с 2002 по 2018 гг., %

Годы/ Индикаторы	Занятость (тыс. чел.)			Основные фонды (млрд. руб.)			K_r
	Zg^*	Z^{**}	K_1 (%)	OFg^{**}	OF^{**}	K_2 (%)	
1	2	3	$4 = 2 / 3 * 100$	5	6	$7 = 5 / 6 * 100$	$8 = (4 + 7) / 2$
2002	24207	65574	36,92	7110	26333	27,00	31,96
2003	23926	65905	36,30	7400	32173	23,00	29,65
2004	23582	66331	35,55	8021	34874	23,00	29,28
2005	22499	66683	33,74	9544	41494	23,00	28,37
2006	22038	67047	32,87	10448	47489	22,00	27,43
2007	21796	67922	32,09	14494	60391	24,00	28,04
2008	21530	68397	31,48	15633	74441	21,00	26,24
2009	21097	67418	31,29	16461	82303	20,00	25,65
2010	20213	67493	29,95	20501	93186	22,00	25,97
2011	19896	67644	29,41	23760	108001	22,00	25,71
2012	19494	67968	28,68	26679	121269	22,00	25,34
2013	19029	67901	28,02	28040	133522	21,00	24,51
2014	18902	67813	27,87	32435	147430	22,00	24,94
2015	18156	72425	25,07	35360	160725	22,00	23,53
2016	17730	72065	24,60	42183	183404	23,00	23,80
2017	17329	71843	24,12	42823	194649	22,00	23,06
2018	17153	71562	23,97	48555	210941	23,02	23,49

Источник: данные Росстата, расчеты авторов

Zg^* – среднегодовая численность работников организаций государственной и муниципальной форм собственности по данным Росстата за соответствующие годы (см. напр., [29, с. 112; 30 с. 121]).

Z^{**} – среднегодовая численность занятых в народном хозяйстве страны; OFg^{**} – основные фонды государственной формы собственности на конец года по полной учетной стоимости и OF^{**} – основные фонды по стране на конец года по полной учетной стоимости по данным Приложения к Ежегоднику – 2019 г. [28].

период снизились с 31,96 до 23,49 процента. В этой связи любопытно рассмотреть, как сказались падение мощности госсектора на результаты его деятельности. Первый вывод следует уже из данных таблицы 4 при сравнении изменений фондовооруженности. Фондовооруженность по народному хозяйству (OF/Z) за рассматриваемый период возросла в 7,3 раза, фондовооруженность госсектора (OFg/Zg) – 9,6 раза. Более полное представление о связи изменений ресурсной мощности с изменениями в результатах деятельности дают расчеты относительных масштабов госсектора по показателям, учитывающим показатели занятости и показатели результатов деятельности.

Оценка относительных масштабов госсектора по показателям занятости и добавленной стоимости. В международных экспертных оценках масштабов госсектора наиболее часто применяются коэффициенты K_1 , K_3 и K_5 . Их усредненный коэффициент демонстрирует масштабы госсектора с учетом не только поглощения труда, но и результатов его деятельности. Оценочными показателями результатов деятельности госсектора признаются доля госсектора в общем объеме по стране либо стоимости выпуска товаров и услуг, либо добавленной стоимости, а также доля инвестиций хозяйствующих субъектов госсектора. В соответствии с п. 1.9 КИСЭ в состав государственного сектора экономики включаются юридические лица сектора государственного (и муниципального) управления (СГУ), компании с государственным (и муниципальным) участием (КГУ) и государственные (муниципальные) предприятия (ГУПы), контролируемые государством и муниципалитетами и финансируемые ими за счет своих бюджетов. Они представляют те организационно-правовые механизмы, посредством которых государство и муниципалитеты участвуют в создании добавленной стоимости.

Однако проблема в том, что российская статистика не содержит показателей и не отражает данные, непосредственно характеризующие экономическую деятельность госсектора как относительно обособленного образования. Вместе с тем, Росстат предоставляет распределение инвестиций в основной капитал по формам собственности, в которых отражаются инвестиционная активность государства и муниципалитетов (для расчета K_5) и производство валовой добавленной стоимости по сектору «государственное управление» (для расчета $K_{3СГУ}$). Тем самым, для оценки валовой добавленной стоимости госсектора в целом ($K_3 = K_{3СГУ} + K_{3КГУ} + K_{3ГУП}$) необходимыми (и проблемными) остаются данные валовой добавленной стоимости, создаваемой КГУ (для расчета $K_{3КГУ}$) и ГУПами (для расчета $K_{3ГУП}$).

Попытку их «ручной» оценки в 2018 году представили ученые ИПЭИ РАНХиГС

А.Е. Абрамов, И.В. Аксенов, А.Д. Радыгин и М.И. Чернова [4, № 1]. Экономические характеристики КГУ за период с 2006-го по 2016 год оценивались ими по выборке, включающей 105 российских КГУ. В состав последних, помимо ПАО и АО, была вполне оправданно включена часть ГУПов (напр., ФГУП «Почта России», ГУП МО «Мострансавто», ФГУП «Росморпорт» и др.), ООО (в частности, УАЗ, группа «Автотор» и др.), три государственных корпорации – АО «РОСНАНО», «Ростех» и «Росатом». Укрупненная оценка доли КГУ в ВВП по такой выборке была проведена следующим образом. На первом этапе были рассчитаны по методике Евростата (Eurostat. Essential SNA, 2014) доли двух крупнейших нефинансовых КГУ – Газпрома и Роснефти – в суммарной выручке и ВВП в 2006–2016 годах. Затем путем деления доли ВВП на долю выручки данных компаний определен мультипликатор, который в среднем за 11 лет составил 2,2. Умножая данный мультипликатор на общую долю в выручке по всей выборке, рассчитана доля в ВВП для всех КГУ. Доля в ВВП добавленной стоимости, создаваемой ГУПами (за исключением ГУПов, уже учтенных в выборке КГУ), рассчитана по данным информационной системы СПАРК с использованием того же мультипликатора долей ВВП/выручка, равного 2,2 [4, № 2, с. 44–45].

Путем сложения данных статистики по валовой добавленной стоимости по сектору «государственное управление» [28] и данных, рассчитанных исследователями из РАНХиГС по валовой добавленной стоимости по КГУ и ГУПам, нами получены величины валовой добавленной стоимости, произведенные госсектором в целом (для расчета K_3). А далее, используя данные статистики по инвестициям в основной капитал предприятий государственной, муниципальной форм собственности и собственности государственных корпораций (с 2011 года) (для расчета K_5) [данные Российских статистических ежегодников за соответствующие годы], рассчитали усредненный коэффициент относительных масштабов госсектора России по показателям занятости, валовой добавленной стоимости и инвестиционной активности в динамике за 2006–2016 гг. (K_m). Результаты расчетов представлены в табл. 5.

Госсектор экономики, несмотря на снижение удельного веса занятых (на 8,2%) и удельного веса инвестиций (на 2,37%), относительный показатель добавленной стоимости с 2006 по 2011 годы показал рост, с 2012 по 2014 годы с небольшими колебаниями сохранял уровень 2011 года, а в 2016 году снизился до 44,74%. Но за весь рассматриваемый период госсектор [при абсолютном росте в 4 раза (колонка 5 табл. 5) против роста в 3,4 раза (колонка 6 табл. 5)] продемонстрировал рост относительного показате-

Таблица 5

Показатели относительных масштабов госсектора России по данным занятости, валовой добавленной стоимости и инвестиционной активности с 2006 по 2016 гг. (млрд руб.)

Годы/ Индикаторы	Занятость		Добавленная стоимость (млрд руб.)			Инвестиции (млрд руб.)			K_m
	K_1 (%)	Y_g	Y	K_3 (%)	I_g	I	K_5 (%)		
1	2	5	6	$7 = 5 / 6$	8	9	$10 = 8 / 9$	$11 = (2 + 7 + 10) / 3$	
2006	32,87	8601,8	22977,3	37,44	1025,8	4730,0	21,69	30,67	
2007	32,09	10525,4	28484,5	36,95	1488,9	6716,2	22,17	30,40	
2008	31,48	13767,5	35182,7	39,13	1969,7	8781,6	22,43	31,01	
2009	31,29	16884,0	33831,3	49,91	1826,2	7976,0	22,90	34,70	
2010	29,95	19717,3	40040,1	49,24	1982,7	9152,1	21,66	33,62	
2011	29,41	26936,9	52084,1	51,72	2389,0	11035,7	21,65	34,26	
2012	28,68	29353,0	58996,2	49,75	2731,5	12586,1	21,70	33,38	
2013	28,02	30999,3	63869,4	48,54	3008,3	13450,2	22,37	32,98	
2014	27,87	35543,2	68907,5	51,58	2775,0	13902,6	19,96	33,14	
2015	25,07	35088,5	74627,5	47,02	2667,0	13897,2	19,19	30,43	
2016	24,60	34662,5	77475,3	44,74	2849,9	14748,8	19,32	29,55	

Источник: K_1 – данные таблицы 4; Y_g – добавленная стоимость госсектора – расчеты авторов на основе данных Росстата по СГУ и ученых ИПЭИ РАНХиГС по КГУ и ГУПам [4, с. 44–45]; Y – добавленная стоимость по экономике в целом – данные Российских статистических ежегодников за соответствующие годы; I_g и I – инвестиции в основной капитал по госсектору и экономике в целом – данные Приложения к Ежегоднику – 2019 г. [28].

ля добавленной стоимости на 19,5% (колонка 7 табл. 5). Это означает, что несмотря на снижение показателя относительной ресурсной мощности (Kr) с 27,43 до 23,8%, госсектор за рассматриваемый период показал рост относительного показателя добавленной стоимости (K_3) с 37,44 до 44,74%. При этом усредненный (вторичный) показатель (K_m) относительных масштабов госсектора России, учитывающий коэффициенты занятости, валовой добавленной стоимости и инвестиционной активности, снизился лишь на 1,12%.

Интегральная оценка масштабов госсектора. «Свертывание» коэффициентов K_1 , K_2 , K_3 ,

K_4 и K_5 дает интегральный показатель масштабов госсектора (K_i), полученный как следствие усреднения затрат труда, капитала и сочетания результатов их использования: $K_i = (K_1 + K_2 + K_3 + K_4 + K_5) / 5$. Показатель K_i может изменяться в границах от 0 (отсутствие госсектора) до 100% (только госсектор). При анализе динамики его изменений уменьшение показателя K_i означает ослабление, а рост – повышение степени участия и усиление роли государственного сектора в экономике. Результаты расчета интегрального показателя масштабов государственного сектора российской экономики (K_i) с учетом удельных весов численности предприятий и организаций

Таблица 6

Интегральные показатели масштабов государственного сектора российской экономики в период с 2006 по 2016 годы (в %)

Годы / Индикаторы	K_1^*	K_2^*	K_3^{**}	K_4^{***}	K_5^{**}	K_i
2006	32,87	22,00	37,44	9,18	21,69	24,64
2007	32,09	24,00	36,95	8,65	22,17	24,77
2008	31,48	21,00	39,13	8,23	22,43	24,45
2009	31,29	20,00	49,91	7,80	22,90	26,38
2010	29,95	22,00	49,24	7,59	21,66	26,09
2011	29,41	22,00	51,72	7,29	21,65	26,41
2012	28,68	22,00	49,75	7,03	21,70	25,83
2013	28,02	21,00	48,54	7,05	22,37	25,40
2014	27,87	22,00	51,58	6,81	19,96	25,64
2015	25,07	22,00	47,02	6,40	19,19	23,94
2016	24,60	23,00	44,74	6,53	19,32	23,64

Источник: данные Росстата, расчеты авторов

* Показатель K_1 и K_2 – данные таблицы 4;

** Показатель K_3 и K_5 – данные таблицы 5;

*** Показатель K_4 рассчитан на основе данных Росстата о числе предприятий и организаций по данным государственной регистрации, распределенных по формам собственности. Использована суммарная величина численности предприятий и организаций государственной и муниципальной форм собственности.

(K_4), затрат труда (K_1), капитала (K_2) и сочетания результатов их применения по показателям валовой добавленной стоимости (K_3) и инвестиций (K_5) представлены в табл. 6.

Можно видеть, что относительный интегральный показатель масштабов государственного сектора российской экономики (K_i) за период с 2006 по 2016 годы не показывает роста степени участия государства в российской экономике. Доля госсектора не достигала не только 70%, на который указывается в докладе ФАС России [2, с. 12], ни даже роста до 33% по оценке экспертов МВФ [3]. Напротив, показав «пиковое» значение 26,41% в 2011 году, в 2016 году снизился до 24,64%. Но может быть «катастрофические» выводы экспертов ФАС основаны на низкой эффективности предприятий и организаций госсектора (на чем настаивают авторы статьи [4] и доклада ЦСР [9]), может быть рост абсолютных и относительных показателей произведенной добавленной стоимости ими достигается чересчур высокой ценой. Для проверки подобной гипотезы можно дать оценку относительной эффективности госсектора двумя способами: путем ее сравнения с эффективностью негосударственного сектора (1) и с эффективностью экономики в целом (2).

Оценка относительной эффективности госсектора путем сравнения с негосударственным сектором. Одним из показателей эффективности госсектора является коэффициент относительной производительности труда ($K_э$), представляющий собой отношение производительности труда в государственном (P_g) и негосударственном (P_{ng}) секторах ($K_э = P_g / P_{ng}$). Показатель (P_g) рассчитан нами как отношение величины валовой добавленной стоимости, произведенной в госсекторе (Y_g), к численности занятых (Z_g) в госсекторе ($P_g = Y_g / Z_g$). Приняв объем

добавленной стоимости (Y) и численность занятых (Z) по стране за 100%, величина производительности труда в негосударственном секторе (P_{ng}) рассчитывается как отношение величины валовой добавленной стоимости, произведенной в негосударственном секторе (Y_g), к численности занятых в негосударственном секторе [$P_{ng} = (Y - Y_g) / (Z - Z_g)$]. Итоговая расчетная формула приобретает следующий вид:

$$K_э = P_g / P_{ng} = [(Y_g / Z_g)] / [(Y - Y_g) / (Z - Z_g)] \quad (11)$$

В соответствии с алгоритмом (11) произведены расчеты производительности труда в государственном (P_g) и негосударственном секторах (P_{ng}) по данным добавленной стоимости в период с 2006 по 2016 годы. Их результаты приведены в табл. 7.

Относительные показатели производительности труда в госсекторе в сравнении с производительностью труда в негосударственном секторе за рассматриваемый период не демонстрировали не только худших, но и ухудшающихся значений. «Стартовав» в 2006 году по показателю относительной эффективности ($K_э$) с превышающей разницей в 1,22 раза, в 2016 году эта разница составила 2,48 раза. Величина добавленной стоимости в расчете на одного занятого в государственном секторе возросла в 5 раз, а в расчете на одного занятого в негосударственной секторе – в 2,47 раза. В результате относительная эффективность госсектора по показателю производительности труда (по данным добавленной стоимости) с 2006 по 2016 годы выросла в 2 раза.

Оценка эффективности госсектора в сравнении со всей экономикой. Показатель относительной эффективности госсектора ($Эг$) для случая, когда в отношении производства добавленной

стоимости (Y_g и Y) сравнивается совокупное использование двух ресурсов – труда (x) и капитала (y) в государственном секторе и экономике в целом, по Е.В. Балацкому, имеет вид:

$$Эг = [(x_g / x) * 100\% + (y_g / y) * 100\%] / 2 \quad (12)$$

где: $x = Y / Z$ – средняя по стране производительность труда; $y = Y / OF$ – средняя по стране фондоотдача; $x_g = Y_g / Z_g$ – показатель производительности труда в госсекторе; $y_g = Y_g / OF_g$ – показатель фондоотдачи госсектора; $(x_g / x) * 100\%$ и $(y_g / y) * 100\%$ – относительные показатели производительности труда и фондоотдачи в госсекторе в сравнении со всей экономикой [11, с. 137]. Расчетная таблица показателя относительной эффективности госсектора ($Эг$) для данного случая дает следующие результаты (табл. 8).

Величина $Эг$ демонстрирует превышение эффективности госсектора в сравнении с эффективностью всей экономики в 2006 году на 42%, достигает наибольшей разницы в 105,5% в 2011 году и сохраняет ее с превышением в 2016 году на 88,3%. При этом, это превышение достигнуто, по преимуществу, благодаря росту производительности труда в госсекторе в 5 раз (строка « x_g » таблицы 8) против ее роста в экономике в целом в 3,14 раза (строка « x » таблицы 8), разница в росте в 1,6 раза в пользу госсектора. В то же время динамика фондоотдачи, хотя и сопровождалась превышением показателя госсектора, в период с 2006 по 2016 годы ни по госсектору (строка « y_g »), ни по экономике (строка « y »), роста не показала. Таким образом, показатель относительной эффективности госсектора ($Эг$), рассчитанный путем среднеарифметического усреднения относительных показателей производительности труда (строка « x_g / x » * 100%» таблицы 8) и фондоотдачи (строка « y_g / y » * 100%» таблицы 8) в госсекторе, в течение всего исследуемого периода показывает лучшие результаты. Это означает, что госсектор россий-

ской экономики совершенно не «безнадежен», по ресурсной мощности и интегральному показателю масштабов он составляет около четверти экономического пространства страны, а по вкладу в национальное богатство – более 40 процентов.

Если присмотреться к возможностям роста его эффективности, то очевидными являются повышение управленческой культуры органов власти и управления, профессионализма и ответственности должностных лиц всего сектора «государственное управление», прозрачности КГУ и на ее основе – расширение целевого привлечения их к реализации национальных проектов и государственных программ. А также передача в частные руки функций ГУПов и МУПов в действительно конкурентных областях и только в тех случаях, когда результативность частного предпринимательства гарантирована либо видом, либо местом (территорией) деятельности, когда эффективность частной инициативы действительно превышает эффективность менеджмента унитарных предприятий.

Однако очевидно и другое – эффективность госсектора может возрастать исключительно синхронно с эффективностью всей экономики. В противном случае будет нарушен функциональный баланс между ее государственным сектором и другими секторами, между отраслями, в которых доминирует государственное участие и отраслями с доминированием частного предпринимательства. Это перманентная проблема, дисбаланс имеет место и в настоящее время. Требуется найти и регулировать такое соотношение удельных весов разных частей экономического пространства страны, которое позволяло бы наиболее полно решать экономические, социальные и политические задачи по развитию страны в обозримом будущем. Некоторые аналитические результаты на данном направлении авторы предполагают осветить в следующей части настоящей статьи.

Таблица 7

Показатели эффективности госсектора в сравнении с негосударственным сектором по данным добавленной стоимости в период с 2006 по 2016 годы

Годы \ показатели	Национальная экономика		Государственный Сектор		Негосударственный сектор		Производительность труда		Kэ
	Z (тыс. чел.)	Y (млрд руб.)	Zg (тыс. чел.)	Yg (млрд руб.)	Z-Zg (тыс. чел.)	Y-Yg (млрд руб.)	Pg (млрд руб./ тыс. чел.)	Png (млрд руб./ тыс. чел.)	
1	2	3	4	5	6 = 2 - 4	7 = 3 - 5	8 = 5 / 4	9 = 7 / 6	10 = 8 / 9
2006	67047	22977,3	22038	8601,8	45009	14375,5	0,390317	0,319392	1,22
2007	67922	28484,5	21796	10525,4	46126	17959,1	0,482905	0,389349	1,24
2008	68397	35182,7	21530	13767,5	46867	21415,2	0,639457	0,456936	1,40
2009	67418	33831,3	21097	16884,0	46321	16947,3	0,800303	0,365866	2,19
2010	67493	40040,1	20213	19717,3	47280	20322,8	0,975476	0,429839	2,27
2011	67644	52084,1	19896	26936,9	47748	25147,2	1,353885	0,526665	2,57
2012	67968	58996,2	19494	29353,0	48474	29643,2	1,505745	0,611528	2,46
2013	67901	63869,4	19029	30999,3	48872	32870,1	1,629056	0,672575	2,42
2014	67813	68907,5	18902	35543,2	48911	33364,3	1,880394	0,682143	2,76
2015	72425	74627,5	18156	35088,5	54269	39539,0	1,932612	0,728574	2,65
2016	72065	77475,3	17730	34662,5	54335	42812,8	1,955020	0,787941	2,48

Источник: показатели Z и Zg – данные таблицы 4; показатели Y и Yg – данные таблицы 5; расчеты авторов.

Таблица 8

Динамика показателя эффективности госсектора в сравнении с экономикой в целом по производительности труда и фондоотдачи (по данным добавленной стоимости) в период с 2006 по 2016 годы

Данные / Годы	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Z (тыс. чел.)	67047	67922	68397	67418	67493	67644	67968	67901	67813	72425	72065
Y (млрд руб.)	22977,3	28484,5	35182,7	33831,3	40040,1	52084,1	58996,2	63869,5	68907,5	74627,5	77475,3
x = Y / Z (руб./чел.)	342710	419370	514390	501810	593250	769970	868000	940603	1016100	1030400	1075100
OF (млрд руб.)	47489,5	60391,5	74441,1	82303,0	93185,6	108001,2	121268,9	133521,5	147429,7	160725,3	183403,7
y = Y/OF	0,484	0,472	0,473	0,411	0,430	0,482	0,486	0,478	0,467	0,464	0,422
Yg (млрд руб.)	8601,8	10525,4	13767,5	16884,0	19717,3	26936,9	29353,0	30999,3	35543,2	35088,5	34662,5
Zg (тыс. чел.)	22038	21796	21530	21097	20566	19896	19494	19029	18902	18156	17730
xg = Yg / Zg (руб./чел.)	390317	482905	639457	800303	958733	1353885	1505745	1629056	1880394	1847249	1955020
(xg / x) * 100%	113,9	115,2	124,3	159,5	161,6	175,8	173,5	173,2	185,1	179,3	181,8
OFg (млрд руб.)	10447,7	14493,9	15632,6	16460,6	20500,8	23760,3	26679,2	28039,5	32434,5	35359,6	42182,8
yg = Yg / OFg	0,823	0,726	0,881	1,026	0,962	1,134	1,100	1,106	1,096	0,992	0,822
(yg / y) * 100%	170,11	153,85	186,19	249,57	223,67	235,21	226,38	231,29	234,66	213,86	194,72
Эг	142,0	134,5	155,3	204,5	192,6	205,5	199,9	202,2	209,9	196,6	188,3

Источник: показатели Z, Zg, OF и OFg – данные таблицы 4; показатели Y и Yg – данные таблицы 5; расчеты авторов

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» № 618 от 21.12.2017 // Собрание законодательства Российской Федерации, 25.12.2017, № 52 (Часть 1), ст. 8111.
2. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016 год. ФАС России [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/documents/596439>.
3. Доклад Международного валютного фонда по России [Электрон. ресурс]. 2018. № 18/275. Режим доступа: <http://imf.org/~media/Files/Publications/CR/2018/>.
4. Абрамов А.Е., Аксёнов И.В., Радыгин А.Д., Чернова М.И. Современные подходы к измерению государственного сектора: методология и эмпирика // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 1. С. 36–69; № 2. С. 28–47.
5. Чернопяттов А.М., Ахметов Л.А., Джурев Д.М. Государственный сектор в экономике Российской Федерации // Фундаментальные исследования. 2018. № 4. С. 138–145.
6. Симонова Ю.В., Смирнова О.О. Значение государственных компаний в стратегическом планировании развития экономики России // Проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 7. С. 53–53.
7. Гордеева Е.С. Взаимосвязь концентрации капитала в компаниях с государственным участием с эффективностью их деятельности и пути ее повышения // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 34.
8. Доклад Центра стратегических разработок «Эффективное управление государственной собственностью в 2018–2024 гг. и до 2035 г.» (январь 2018 г.) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/Doklad_effektivnoe_upravlenie_gossobstvennostyu_Web.pdf.
9. Сильное государство – выбор России. Угрозы, ценности, приоритеты / под науч. ред. И.М. Братищева. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019. 460 с.
10. Балацкий Е.В. Проблемы оценки масштабов и эффективности государственного участия в экономике // «Вестник Московского университета Серия 6, Экономика». 1997. № 6. С. 22–44.
11. Балацкий Е.В. Элементы экономики государственного сектора [Электрон. ресурс]. М.: КАПИТАЛ СТРАНЫ, 2013. Режим доступа: http://kapital-rus.ru/articles/article/elementy_ekonomiki_gosudarstvennogo_sektora/.
12. Яковлев И.П. О «точках роста» в социологии // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 14–20.
13. Давыдов А.А. Модульный анализ и конструирование социума. М.: ИСАН, 1994.
14. Давыдов А.А. Убывающие числовые последовательности в социологии: факты, объяснения, прогнозы // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 113–119.
15. Маслихина В.Ю. Допустимый уровень межрегионального неравенства в России // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия Экономика и управление. 2014. № 4 (23). С. 15–22.
16. Паутова Л.А. К вопросу о методике вычисления индикаторов и пороговых значений стабильности общества // Математические структуры и моделирование. 1998. № 2. С. 124–127.
17. Шрейдер Ю.А. Работы по истории и методологии науки // Александр Александрович Любичев. Л.: Наука, 1982.
18. Чураков А.Н. О некоторых математических зависимостях между параметрами частотных распределений // Социология: 4М. 2001. № 14. С. 130–150.
19. Сороко Э.М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем: Введение в общую теорию гармонии систем. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 264 с.
20. Сухонос С.И. Масштабная гармония вселенной. М.: Новый Центр, 2002. 253 с.
21. Чураков А.Н. О специфике модальных групп в частотных распределениях // Социология: 4М. 1999. № 11. С. 179–198.
22. Давыдов А.А. Анализ одномерных частотных распределений в социологии: эволюция подходов // Методика и техника социологических исследований. 1995. С. 113–116.
23. Вяткин В.Б. Хаос и порядок дискретных систем в свете синергетической теории информации [Электрон. ресурс] // Научный журнал КубГАУ. 2009. № 03(47). Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2009/03/pdf/08.pdf>.
24. Сухонос С.И. Квантовая гармония. М.: Издательский дом «Народное образование». 2018. 224 с.
25. Общероссийский классификатор организационно-правовых форм ОК 028-2012 (утв. Приказом Росстандарта от 16.10.2012 № 505-ст) (ред. от 24.10.2018) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: [Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139192](http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139192).
26. Годовой отчет ПАО Сбербанк за 2018 год [Электрон. ресурс]. Режим доступа: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/redirected/com/gosa2019/docs/sberbank-annual_report_2018_rus.pdf.
27. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации.
28. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2018 гг // Федеральная служба государственной статистики. Приложение к Ежегоднику – 2019. Электронная версия [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13396>.
29. Российский статистический ежегодник 2018. М.: Росстат, 2018. 694 с.
30. Российский статистический ежегодник 2019. М.: Росстат, 2019. 708 с.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii «Ob osnovnykh napravleniyakh gosudarstvennoy politiki po razvitiyu konkurentsii» № 618 ot 21.12.2017 = Decree of the President of the Russian Federation "On the main directions of state policy for the development of competition" No. 618 dated December 21, 2017. Collected Legislation of the Russian Federation, December 25, 2017, No. 52 (Part I), Art. 8111. (In Russ.)
2. Doklad o sostoyanii konkurentsii v Rossiyskoy Federatsii za 2016 god. FAS Rossii = Report on the state of competition in the Russian Federation for 2016. FAS Russia [Internet]. Available from: <https://fas.gov.ru/documents/596439>. (In Russ.)
3. Doklad Mezhdunarodnogo valyutnogo fonda po Rossii = Report of the International Monetary Fund for Russia [Internet]. 2018. № 18/275. Available from: <http://imf.org/~media/Files/Publications/CR/2018/>. (In Russ.)
4. Abramov A.Ye., Aksonov I.V., Radygin A.D., Chernova M.I. Modern approaches to measuring the public sector: methodology and empirics. Ekonomicheskaya politika = Economic policy. 2018; 13; 1: 36–69; 2: 28–47. (In Russ.)
5. Chernopyatov A.M., Akhmetov L.A., Dzhurayev D.M. Public sector in the economy of the Russian Federation. Fundamental'nyye issledovaniya = Fundamental research. 2018; 4: 138–145. (In Russ.)
6. Simonova YU.V., Smirnova O.O. The value of state-owned companies in strategic planning of the development of the Russian economy. Problemy ekonomiki i menedzhmenta = Problems of Economics and Management. 2015; 7: 53–53. (In Russ.)
7. Gordeyeva Ye.S. The relationship between the concentration of capital in companies with state participation with the efficiency of their activities and ways to increase it. Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik = Public Administration. Electronic bulletin. 2012; 34. (In Russ.)
8. Doklad Tsentra strategicheskikh razrabotok "Effektivnoye upravleniye gosudarstvennoy sobstvennost'yu v 2018–2024 gg. i do 2035 g." (yanvar' 2018 g.) = Report of the Center for Strategic Research "Effective management of state property in 2018–2024. and until 2035 " (January 2018) [Internet]. Available from: https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/Doklad_effektivnoe_upravlenie_gossobstvennostyu_Web.pdf. (In Russ.)
9. Sil'noye gosudarstvo – vybor Rossii. Ugrozy, tsennosti, priority / pod nauch. red. I.M. Bratishcheva = . A strong state is the choice of Russia. Threats, values, priorities / under scientific. ed. THEM. Bratishchev. Moscow: Publishing and Trade Corporation "Dashkov and K"; 2019. 460 p. (In Russ.)
10. Balatskiy Ye.V. Problems of assessing the scale and effectiveness of state participation in the economy. «Vestnik Moskovskogo universiteta Seriya 6, Ekonomika» = "Bulletin of Moscow University Series 6, Economics". 1997; 6: 22–44. (In Russ.)
11. Balatskiy Ye.V. Elementy ekonomiki gosudarstvennogo sektora = Elements of public sector economics [Internet]. Moscow: CAPITAL OF THE COUNTRY; 2013. Available from: http://kapital-rus.ru/articles/article/elementy_ekonomiki_gosudarstvennogo_sektora/. (In Russ.)
12. Yakovlev I.P. On "points of growth" in sociology. Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies. 1999; 1: 14–20. (In Russ.)
13. Davydov A.A. Modul'nyy analiz i konstruirovaniye sotsiuma = Modular analysis and construction of society. Moscow: ISAN; 1994. (In Russ.)
14. Davydov A.A. Decreasing numerical sequences in sociology: facts, explanations, forecasts. Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research. 2001; 7: 113–119. (In Russ.)
15. Maslikhina V.YU. Permissible level of interregional inequality in Russia. Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya Ekonomika i upravleniye = Bulletin of the Volga State Technological University. Series Economics and Management. 2014; 4 (23): 15–22. (In Russ.)
16. Pautova L.A. . On the question of the methodology for calculating indicators and threshold values of social stability. Matematicheskiye struktury i modelirovaniye = Mathematical structures and modeling. 1998; 2: 124–127. (In Russ.)
17. Shreyder YU.A. Works on the history and methodology of science. Aleksandr Aleksandrovich Lyubishchev. Leningrad: Science; 1982. (In Russ.)
18. Churakov A.N. On some mathematical relationships between the parameters of frequency distributions. Sotsiologiya: 4M = Sociology: 4M. 2001; 14: 130–150. (In Russ.)
19. Soroko E.M. Zolotyie secheniya, protsessy samoorganizatsii i evolyutsii sistem: Vvedeniye v obshchuyu teoriyu garmonii sistem. Izd. 4-ye = Golden sections, processes of self-organization and evolution of systems: An introduction to the general theory of harmony of systems. Ed. 4th. Moscow: Book house "LIBROKOM"; 2012. 264 p. (In Russ.)
20. Sukhonos S.I. Large-scale harmony of the universe. Moscow: Novyy Tsentr = New Center; 2002. 253 p. (In Russ.)
21. Churakov A.N. On the specifics of modal groups in frequency distributions. Sotsiologiya: 4M = Sociology: 4M. 1999; 11: 179–198. (In Russ.)
22. Davydov A.A. Analysis of one-dimensional frequency distributions in sociology: the evolution of approaches. Metodika i tekhnika sotsiologicheskikh issledovaniy = Methodology and technique of sociological research. 1995: 113–116. (In Russ.)
23. Vyatkin V.B. Chaos and order of discrete systems in the light of synergetic information theory [Internet]. Nauchnyy zhurnal KubGAU

= Scientific journal of KubSAU. 2009; 03(47). Available from: <http://ej.kubagro.ru/2009/03/pdf/08.pdf>. (In Russ.)

24. Sukhonos S.I. Kvantovaya harmoniya = Quantum harmony. Moscow: Publishing house "Public education"; 2018. 224 p. (In Russ.)

25. Obshcherossiyskiy klassifikator organizatsionno-pravovykh form OK 028-2012 (utv. Prikazom Rosstandarta ot 16.10.2012 № 505-st) (red. ot 24.10.2018) = All-Russian classifier of organizational and legal forms OK 028-2012 (approved by the Order of Rosstandart dated 16.10.2012 No. 505-st) (revised from 24.10.2018) [Internet]. Available from: [Consultant.ru>document/cons_doc_LAW_139192](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139192). (In Russ.)

26. Godovoy otchet PAO Sberbank za 2018 god = Annual report of Sberbank PJSC for 2018 [Internet]. Available from: <https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/redirected/com/>

Сведения об авторах

Олег Викторович Морозов

К.ф.н., руководитель научной школы «Высшая школа публичной политики», член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Москва Россия
Эл. почта: moleg566@gmail.com

Алексей Геннадьевич Бирюков

К.э.н., помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, Россия
Эл. почта: Juicer@mail.ru

Михаил Аркадиевич Васильев

Заместитель руководителя научной школы «Высшая школа публичной политики», Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Москва, Россия
Эл. почта: vma9852707439@yandex.ru

gosa2019/docs/sberbank-annual_report_2018_rus.pdf. (In Russ.)

27. Federal'nyy zakon «O bankakh i bankovskoy deyatel'nosti» = Federal Law "On Banks and Banking Activities". Collected Legislation of the Russian Federation. (In Russ.)

28. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli Rossiyskoy Federatsii v 1991- 2018 gg = Socio-economic indicators of the Russian Federation in 1991-2018. Federal State Statistics Service. Appendix to the Yearbook - 2019. Electronic version [Internet]. Available from: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13396>. (In Russ.)

29. Rossiyskiy statisticheskiy yezhegodnik 2018 = Russian Statistical Yearbook 2018. Moscow: Rosstat; 2018. 694 p. (In Russ.)

30. Rossiyskiy statisticheskiy yezhegodnik 2019 = Russian Statistical Yearbook 2019. Moscow: Rosstat; 2019. 708 p. (In Russ.)

Information about the authors

Oleg V. Morozov

Cand. Sc. (Philosophy), Head of Higher School of Public Policy, Member of Council of Federation of Federal Assembly of Russian Federation
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: moleg566@gmail.com

Aleksey G. Biryukov

Cand. Sc. (Economics), Assistant to the Deputy of the state Duma of Federal Assembly of Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: Juicer@mail.ru

Mikhail A. Vasiliev

Deputy Head of the Higher School of Public Policy
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: vma9852707439@yandex.ru

М.В. Бикеева

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия

УДК 311.33

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2020-4-33-43>

Социальная ответственность бизнеса. Поиск методов оценки*

Цель исследования. Материалы исследования продолжают цикл статей автора, посвящённых проблемам стейкхолдерского подхода. Социальная ответственность бизнеса выступает стартовой площадкой для плодотворного сотрудничества и взаимодействия бизнес-структур и власти.

Концепция социальной ответственности бизнеса характеризуется постоянной трансформацией и обогащением новыми идеями. Так, если в середине XX века её использование не находило должного отклика в бизнес-среде, то в XXI веке её «проповедуют» как основную философию бизнеса в большинстве передовых стран. При этом характерной чертой существующих научных подходов является акцент на технократические и экономические позиции и игнорирование взаимоотношений бизнеса с заинтересованными сторонами. Однако подобные подходы с позиции автора являются недостаточными для всего спектра требований, предъявляемых внешней и внутренней средой к современному бизнесу.

Неоднозначность толкования исследуемого понятия позволила констатировать сложность данной категории и её многоаспектность. В связи с этим возникает потребность в комплексной статистической оценке степени социализации бизнеса и выборе для этого соответствующего инструментария.

Материалы и методы. В основе статистической оценки степени социальной ответственности бизнеса заложены локальные критерии, объединённые в пять блоков. Представленная система критериев характеризует деятельность бизнеса с учетом требований стейкхолдеров. При этом перечень критериев может корректироваться при изменении социально-экономических тенденций и проблем общества.

Информационной базой исследования послужили годовые и финансовые отчеты региональных предприятий, результаты экспертных оценок.

В качестве инструментария оценки степени социализации бизнеса использованы метод анализа иерархий и графический метод многоугольника (радара).

Результаты. В статье конкретизировано понятие социально-экономической ответственности бизнеса. Авторский подход охватывает идею ответственного партнёрства, основанного на взаимодействии бизнеса с широким кругом заинтересованных групп, вовлечённых в активные и пассивные формы участия в его операциях. Многообразие интересов стейкхолдеров, представляющих различных субъектов рыночного взаимодействия,

подчеркивает многокритериальность категории «социально-экономическая ответственность бизнеса». Статистический инструментарий в полной мере способен обеспечить оценку всего спектра признаков корпоративной социальной ответственности.

Интегральный показатель степени социальной ответственности, построенный на основе метода анализа иерархий, позволил выделить четыре степени социализации бизнеса: низкую, умеренную, заметную и высокую. Для каждой степени социализации определены характерные особенности. Результаты исследования показали, что по мере роста степени социальной ответственности происходит увеличение показателей эффективности деятельности бизнеса и его благополучие в долгосрочной перспективе зависит от согласования интересов ключевых участников корпоративных отношений.

Интегральная оценка степени социализации бизнеса осуществлена по двадцати шести локальным критериям. В результате исчисления рангов значений соответствующих критериев построено пятнадцать многоугольников степени социализации регионального бизнеса, вошедших в выборку. Полученные результаты позволяют констатировать о существовании высокой степени разнородности региональных предприятий по исследуемому интегральному показателю. Лидерами по степени социальной ответственности являются АО «Тепличное», ОАО «Мордовцемент», ОАО «Электровыпрямитель», ОАО «Лато». К аутсайдерам можно отнести ОАО «Сырдельный комбинат «Ичалковский», ООО «ССЗ Лисма», ОАО «Станкостроитель», ОАО «Резинотехника». Среди особенностей региональных предприятий можно выделить неоднородность в распределении показателей по радиальным прямым.

Предложенная методика может быть использована в качестве инструмента для комплексного изучения существующих тенденций в практике социально ответственного поведения бизнеса, характеристики достигнутых результатов, а также установления проблемных областей, акцентирующих дополнительное внимание.

Ключевые слова: степень социализации бизнеса, стейкхолдерский подход, индикаторы, локальные критерии оценки, интегральный показатель, метод анализа иерархий, графический метод многоугольника.

Marina V. Bikeeva

National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

Business social responsibility. Search for assessment methods

Purpose of the study. The research materials continue the author's series of articles devoted to the problems of the stakeholder approach. The social responsibility of business acts as a launching pad for fruitful cooperation and interaction between business structures and authorities.

The concept of corporate social responsibility is very dynamic, characterized by constant transformation, change and enrichment with

new ideas. So, if in the middle of the XX century it developed rather slowly, not finding a response in the business environment, then in the XXI century it is "preached" as the main business philosophy by most of the advanced countries. At the same time, a characteristic feature of existing scientific approaches is the emphasis on technocratic and economic positions and the complete absence of approaches based on the relationship between business and stakeholders. However, such

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Правительства Республики Мордовия, проект № 18-410-130005.